

На правах рукописи

Голубева Ольга Васильевна

ТЕОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ВЫВОДНОГО ЗНАНИЯ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Тверь – 2016

Работа выполнена на кафедре теории языка и перевода ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Научный консультант –

Залевская Александра Александровна – Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета.

Официальные оппоненты:

Красных Виктория Владимировна, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»;

Пищальникова Вера Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»;

Рогожникова Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой языковой коммуникации и психолингвистики ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет».

Ведущая организация –

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Защита состоится «__» _____ 2016 г. в ___ час. __ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Володарского, 44.

Отзывы можно направлять по адресу: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ТвГУ, учёному секретарю диссовета Д 212.263.03.

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

М.В. Оборина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению феномена выводного знания (далее – ВЗ) как необходимого внутреннего источника информации в процессе осуществляемой в естественных условиях речемыслительной деятельности. В настоящей работе ВЗ получило широкую трактовку как знание-переживание (термин А.А. Залевской), или формируемая при активной роли индивида сеть причинно-смысловых связей и детерминированных ими отношений. Узлами подобной сети выступают интегративные смысловые опоры как продукты прежнего перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта субъекта, выводимость которых обеспечивает объяснение «для меня – здесь – сейчас» передаваемого единицей языка содержания. Правдоподобие такой опоры опосредовано её эвиденциальным характером, т.е. в процессе познания и общения индивид пропускает воспринимаемое через собственный внутренний мир, «видит» наиболее релевантные для него здесь и сейчас признаки объекта благодаря ранее сформированным «свидетельствам» оперирования знаниями – языковыми и энциклопедическими.

Актуальность исследования обусловлена неослабевающим на протяжении многих лет интересом в ряде отраслей науки к проблеме ВЗ. В русле сложившегося логико-семантического подхода к выведению имплицитно представленной в значении информации рассматривается понятие пресуппозиции как неустранимой скрытой посылки истинного вывода об объективно заданных свойствах референта (работы Е.В. Падучевой, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, В.А. Звегинцева, Ф. Шленкера, Р. Столнекера, М. Симонс, Д. Бивер, Э. Челма и других). Такой посылке присущи: экзистенциальный характер, обеспеченный предметностью мышления индивида, категориальная обобщённость на лексическом и грамматическом уровнях, фактуальная опосредованность, обусловленность логическими процедурами выведения, осознаваемость.

Глубокое изучение феномена имплицитного компонента значения, процесса формирования вторичных значений единицы языка осуществляется в рамках теории импликатур, разработанной Г.П. Грайсом, основоположником прагматического направления в лингвистике. Современные исследования с позиций прагматики отражены в теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон, Р. Карстона, теории имплицитур К. Баха, теории значения «по умолчанию» С. Левинсона, научных трудах Дж. Киеркиа, Л. Хорна, Ф. Реканати, М.Л. Макарова и других учёных, в рамках которых импликатура рассматривается как семантический и/или прагматический компонент значения, выводимый при учёте контекста ситуации с опорой на принцип кооперации и вытекающие из него коммуникативные постулаты (максимы) общения (научные труды Е.В. Падучевой, М.Л. Макарова, Д. Спербера и Д. Уилсон и т.д.).

Развитие науки позволило включить рассмотрение имплицитного ВЗ в сферу психологических, нейропсихологических и психолингвистических изысканий. Сформировавшийся инференционный подход к процессу понимания даёт возможность изучить ВЗ, определяемое как инференция, или когнитивный процесс, протекающий осознаваемо / имплицитно и выявляемый в рамках мен-

тального моделирования (см. работы Ф. Джонсона-Лэрда, Р. Звана, Д. Каннемана, Б. Тверски, К. Становича и других), на уровне нейронной структуры мозга (П. Тагард, Ф. Мартенсон и другие). Задействование инференций позволяет вывести причинное основание (causation), сформированное за счёт продуктов переработки прежнего опыта индивида, определяемых как «свидетельства» (evidences), прецеденты, и соответствующих мыслительных процедур (работы Й. Вонг, И.Е. Куриленко, посвящённые моделированию процессов понимания слова / текста в рамках создания искусственного интеллекта, IT технологий).

Разнообразие современных научных теорий, посвящённых проблеме ВЗ, определяет необходимость, во-первых, обобщить результаты различных научных подходов, во-вторых, разработать интегративную теорию опоры на ВЗ в процессе идентификации индивидом значения слова / текста. В целом потребность в поиске новых, интегративных подходов к изучению языка признаётся многими учёными в рамках когнитивного направления в лингвистике (труды А.В. Кравченко, Й. Златева, С.Дж. Коули и других), в психолингвистике (А.А. Залевская, Н.О. Золотова, П.П. Дашинамаева, Н.В. Мохамед, С.В. Чугунова, И.Л. Медведева и др.), в герменевтике (Н.Ф. Крюкова, Е.В. Ильина, И.В. Соловьёва и др.). Такая теория могла бы выступить в качестве определённого этапа создания междисциплинарной объяснительной базы научного описания феномена понимания как процедуры и результата задействования перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта субъекта.

Объектом исследования выступает ВЗ как имплицитный внутренний источник релевантной «для меня – здесь – сейчас» информации, составляющий субъективно важный смысловой потенциал, передаваемый единицей языка. Единица языка (вслед за Н.И. Жинкиным, А.А. Залевской) в работе определена как вербально заданное с разным объёмом содержания (слово / текст) средство активации речемыслительных механизмов при выходе на образ мира индивида.

Предметом исследования является эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка с опорой на широкий круг языковых и энциклопедических знаний, реализуемое посредством процедур причинно-следственного характера при прямой / многоступенчатой активации «свидетельств» / примеров переработки прежнего (индивидуального и социального) мультимодального опыта. Под эвиденциальным смысловым переживанием (далее – ЭСП) понимается субъективно создаваемая в процессе речемыслительной деятельности интегративная смысловая опора, отражающая прежний опыт установления причинно-смысловой связи / связей между внешне заданными посылками и внутренне формируемым контекстом осуществления понимания значения при учёте ведущей роли индивида как инициатора установления такой связи.

Теоретическую основу исследования составляют результаты научных изысканий, посвящённых изучению значения слова с учётом имплицитного, выводного потенциала (теории пресуппозиции и имплицатуры, когнитивные изыскания В. Эванса, Дж. Олвуда, И. Крекиеса и др.); исследованию процесса понимания значения в психолингвистике (см. труды Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.А. Залевской, Р.М. Зимней, И.А. Новикова, В.А. Пищальниковой, В.В. Красных, И.А. Стернина, Т.М. Рогожниковой,

В.А. Садиковой, Н.О. Золотовой, Н.В. Мохаммед, Н.И. Кургановой, А.Г. Сони-на и др.); специфике семиозиса в естественных условиях познания и общения (Ч.С. Пирс, У. Эко, Ю.С. Степанов, А.Ю. Нестеров, Н.А. Черняк и др.), в том числе в рамках изучения и перевода текста (М.М. Бахтин, В.Н. Топоров, В.А. Мидовидов и др.); особенностям герменевтического подхода к процессу понимания (М. Хайдеггер, Ф. Шлеймахер, В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, Н.Ф. Крюкова и др.); логико-лингвистическим процедурным основам опоры на выводное знание (Е.К. Войшвилло, Е.В. Падучева, М.Л. Макаров, Й. Вонг, Д.В. Зайцев и др.); инференционному моделированию процессов понимания языка (Г.П. Грайс, Ф. Джонсон-Лэрд, Т. ван Дейк, Дж. Лакофф, Д. Спербер, Д. Уилсон и др.); психологическим и нейропсихологическим предпосылкам понимания–объяснения (Л. Барсалоу, С. Косслин, П. Тагард и другие); проблемам категоризации и концептуального моделирования в когнитивной науке о языке (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, Л.В. Бабина, В.Б. Гольдберг и др.); прецедентности в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике (Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Д.Б. Гудков, Н.А. Голубева и др.); специфике антропонимически переданного знания (А.В. Суперанская, В.Н. Топоров, Н.Н. Запольская, А.С. Щербак и др.).

Гипотеза исследования заключается в том, что процесс опоры на ВЗ представляет собой эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка, динамический процесс его объяснения «для меня – здесь – сейчас», в ходе которого активируется внутренний имплицитный потенциал («свидетельство» установления причинно-смысловой связи), открывающий доступ к активации прецедентных установок смыслового «видения» наиболее релевантных признаков, включённых в образное представление о потенциальном референте, и способов контекстного обоснования их значимости, а также к глубинным процедурным основаниям смыслоформирования, инициатором задействования которых является активный субъект процессов познания и коммуникации.

Целью исследования является теоретическое и экспериментальное обоснование эвиденциальности смыслового переживания значения, базирующегося на выводимых «свидетельствах» прежнего опыта, интегрирующих языковые и энциклопедические знания.

Достижение названной цели предполагает решение конкретных *задач*: 1) проанализировать научную базу изучения феномена ВЗ с учётом различных подходов в логике, лингвистике, психологии и теоретически обосновать возможность решения проблемы ВЗ в рамках интегративного психолингвистического подхода; 2) проанализировать фундаментальные принципы осуществления процесса понимания с опорой на ВЗ; 3) рассмотреть предпосылки процесса понимания с опорой на широкий круг ВЗ (объективные и субъективные, языковые и неязыковые); 4) определить параметры ВЗ, в том числе причинность, эвиденциальность его специфики; 5) обосновать необходимость разработки теории эвиденциальности ВЗ и применения метода реконструкции процесса понимания с опорой на ВЗ; 6) изучить механизмы формирования интегративной структуры эвиденциальной смысловой опоры понимания; 7) выявить принципы реализации эвиденциальной опоры на ВЗ в процессе понимания; 8) дать

системное описание процедуры согласования внешних и внутренних посылок в ходе понимания на базе полилучевой модели опоры на ВЗ с учётом внешних условий целесообразности этой опоры.

Материалом исследования стали результаты психолингвистических экспериментов при общем числе испытуемых 2961 человек (студентов вузов, сотрудников ряда организаций г. Смоленска); обработано 11185 реакций, изучена 581 проекция текста. Полученные экспериментальные данные позволяют обосновать основные положения теории эвиденциальности выводного знания.

По результатам проведенного теоретического и экспериментального исследования на защиту выносятся следующие положения.

1. Опора на ВЗ является объективной необходимостью для обеспечения успешности понимания как правдоподобного объяснения «для меня – здесь – сейчас». Она представляет собой установление причинно-смысловой связи между идентифицируемой в текущей ситуации познания и/или общения языковой единицей (словом / текстом) и разнообразным прошлым опытом субъекта.

2. Фиксация такой связи происходит посредством маркеров-ассоциатов, множество которых составляет ассоциативно-смысловое поле / сеть потенциальных причинно-смысловых связей. Подобная процедура естественного смыслоформирования опирается на принцип субъективной причинности, обеспеченный способностью человека выступать активным участником процессов познания и коммуникации, аккумулировать опыт в виде своеобразных «свидетельств» личной причастности – прямой или косвенной.

3. Фиксируемая посредством имплицитного маркера причинно-смысловая связь задаёт выход на формируемую в естественных условиях интегративную эвиденциальную опору осуществления процесса понимания. Создание такой опоры обусловлено «мультиmodalным внутренним контекстом» (термин А.А. Залевской) процесса познания и общения как совокупным продуктом опыта взаимодействия с миром, динамической самоорганизующейся системой, в рамках которой возможна реализация глубинных смысловых отношений.

4. Признание индивида главной действенной силой, обеспечивающей осуществление процесса познания и коммуникации, позволяет предполагать, что особенности перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочных линий переработки поступающей по различным каналам информации предопределяют стратегии осуществления процесса понимания с опорой на ВЗ. Причинность устанавливаемых смысловых связей в ходе реализации стратегий понимания обеспечивается универсальной процедурной основой причинно-следственного характера, формируемой в естественных условиях речемыслительной активности.

5. Процесс понимания с опорой на результаты прежнего опыта индивида по идентификации значения воспринимаемой единицы языка включает «свидетельства» прошлых контекстных представлений опыта взаимодействия с объектом. Такие «свидетельства»-примеры хранят скрытые признаки, менее значимые ad hoc, но в совокупности составляющие объяснительный потенциал, или контекстное «бытие» предыдущего опыта понимания, что обеспечивает возможность пересечений эвиденциальных смысловых переживаний различных людей и опосредует разделяемость продуктов предыдущего опыта.

6. Совокупность выделенных многими субъектами и отмеченных маркерами наиболее значимых черт, причинно связанных с контекстами прежнего представления, позволяет выделить прецедентный ракурс их смыслового «видения». Такой ракурс обеспечивает устойчивую установку социально принятого приписывания объекту обусловленных прошлым перцептивным, когнитивным, эмоционально-оценочным опытом признаков / характеристик и отражает ведущую роль субъекта в процессе понимания с опорой на ВЗ.

7. Активная позиция индивида как свидетеля происходящего, объясняющего «для меня – здесь – сейчас» смысл воспринимаемого с опорой на собственный опыт, обуславливает устойчивую процедурную установку / способ оптимальной организации потенциального контекстного «бытия»: как переживаемого заново процесса причинного обобщения, поиска новых объяснительных оснований. Такая установка получает конкретное воплощение посредством схем организации компонентов контекстного подкрепления.

8. Полилучевая модель опоры на ВЗ в процессе понимания слова / текста отображает реализацию стратегий согласования внешних и внутренних причинных посылок. Близость эвиденциального (перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного) опыта прежних переживаний автора и читателя, а также схожесть языковых средств экспликации итогов таких переживаний предопределяют разную степень необходимости опоры на ВЗ при осуществлении речемыслительной деятельности.

Научная новизна исследования состоит в следующем: 1) представлено широкое толкование феномена ВЗ как внутреннего релевантного источника информации с учётом различных уровней осознаваемости, разных подходов к проблеме значения единицы языка, специфики внутреннего контекста процесса понимания; 2) сформулировано теоретическое обоснование эвиденциального смыслового переживания значения единицы языка в естественных условиях познания и общения, а также принципа субъективной причинности опоры на прежние «свидетельства» речемыслительной деятельности; 3) предложена трактовка индивида как активного «свидетеля» смысловых опор на основе разнообразного опыта, активируемого на различных уровнях осознаваемости результатов данного процесса; 4) создана экспериментальная доказательная база опоры на ВЗ при понимании–объяснении «для меня – здесь – сейчас», что позволяет индивиду выбрать подходящий ракурс смыслового «видения» свойств реального / потенциального референта, дополнив выводимый из наличных условий набор признаков прошлым опытом подобных переживаний; 5) определена динамическая структура эвиденциального смыслового переживания как интегративной опоры, задействуемой в процессе понимания, характеризуемой нелинейностью и спиралевидным характером межуровневых переходов; 6) выявлены динамические процедуры активации ВЗ в процессе понимания текста, обращение к которым обусловлено степенью значимости опоры; 7) разработана полилучевая модель опоры на ВЗ в процессе понимания, опирающаяся на специфику соответствующих стратегий и включающая учёт как понимаемого (внешней посылки), так и объясняющего «для меня – здесь – сейчас» правомерность установленных связей (внутренней посылки / опоры).

Для проверки рабочей гипотезы наряду с общенаучными *методами* исследования (в том числе теоретического анализа интегративного типа) использовался ряд экспериментальных методов и методик: выделение набора ключевых слов, свободный ассоциативный эксперимент, смысловое «доистраивание», дефинирование, определение смыслового содержания текста, моделирование процессов понимания. В качестве основного предложен метод реконструкции процесса понимания с опорой на ВЗ как система процедур, отражающих этапы согласования внутренних и внешних посылок в ходе понимания–объяснения.

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что доказано существование глубинного уровня формирования ВЗ, обоснована эвиденциальная природа накапливаемого активным субъектом опыта. Применительно к тематике исследования использованы результаты изысканий Тверской психолингвистической школы, когнитивной лингвистики и психологии, прагматики, логики, что позволило обобщить современные тенденции изучения ВЗ, изложить основные положения наиболее значимых теорий и концепций, обосновать необходимость интегративного (психолингвистического) подхода к проблеме, раскрыть глубинные истоки эвиденциальности, предложить новый взгляд на проблему понимания значения в естественных условиях познания и общения.

Практическая ценность работы состоит в возможности применения разработанной концепции в теории и практике лингвистических и междисциплинарных изысканий, связанных с психолингвистическим подходом к значению. Методологическое обоснование может помочь в подготовке лекционных курсов по теории языкознания, текстологии, психолингвистике, в исследовательской практике, подготовке диссертационных работ.

Апробация работы. По теме работы опубликованы две монографии (общий объём 23 п.л.) и 47 статей и тезисов докладов, из них 20 в изданиях, рекомендованных ВАК (объём 10 п.л.). Основные результаты, описанные в диссертации, представлены на 24 международных, всероссийских научных, научно-практических конференциях и семинарах, среди которых межвузовская научно-практическая конференция «Культура как текст» (Смоленск, СГУ, 2005 – 2008 гг.), межвузовская научно-практическая конференция «Седьмые Поливановские чтения» (Смоленск, СГПУ, 2005 г.), межвузовская научно-практическая конференция с международным участием «Язык. Текст. Методика» (Смоленск, ВУПВО ВС РФ, 2005–2007 гг.), научно-практическая конференция «Метафора и действительность: границы выразительности» (Смоленск, СмолГУ, 2008), международная межвузовская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лингвистики и методики» (Смоленск, ВА ВПВО ВС РФ, 2009–2011), международный круглый стол «Научная и образовательная деятельность в рамках диалога культур “Россия-Германия”» (Тамбов, ТГУ, 2009), международный конгресс по когнитивной лингвистике (Тамбов, ТГУ, 2010), Всероссийская научная конференция «Взаимодействие мыслительных и языковых структур» (Тамбов, ТГУ, 2010), международная научная конференция «Актуальные проблемы германистики и романистики» (Смоленск, СмолГУ, 2010), общероссийская научная конференция «XVI Державинские чтения» (Тамбов, ТГУ, 2011),

международная научно-практическая конференция Umbrella-NATE (Смоленск, СГУ, 2011), межвузовский круглый стол «Проблемы преподавания иностранного языка и обучения переводу» (Смоленск, СГУ, 2011), межвузовский научно-практический семинар «Обучение профессионально ориентированному общению в неязыковом вузе» (Смоленск, ВА ВПВО ВС РФ, 2012–2013), межвузовская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лингвистики и методики» (Смоленск, ВА ВПВО ВС РФ, 2013–2016), всероссийская интернет-конференция «Языковая действительность и действительность языка» (Тверь, ТвГУ, 2013), международная научно-практическая конференция «Горизонты психолингвистики–2» (Тверь, ТвГУ, 2014), межвузовский научно-практический семинар «Современные коммуникативные информационные технологии» (Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2015). Основные положения диссертационного исследования обсуждены на заседаниях кафедры английского языка и кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении представлена общая характеристика проблематики исследования, обосновывается его актуальность, определяются объект и предмет, сформулированы цель и задачи, представлены методы исследования, отмечена его научная новизна, изложены теоретическая значимость и практическая ценность, выдвигаются основные положения, выносимые на защиту, описывается структура работы.

Глава 1 «Теоретические основы исследования процесса формирования выводного знания» посвящена традиционным направлениям изучения ВЗ как необходимой научной базе исследования процесса понимания. В первом параграфе «Фундаментальная процедурная база процесса опоры на выводное знание» обсуждается специфика различных типов вывода (дедукция, индукция, абдукция), даётся определение понятий «импликация», «логическое следование» с позиции логики с опорой на труды Г. Фреге, Ч.С. Пирса, Ч.У. Морриса, А.А. Ивина, Е.К. Войшвилло и М.Г. Дегтярева, В.Л. Васюкова, Р.Л. Солсо, Г.И. Рузавина, В.К. Финна, Б.М. Величковского. Обзор публикаций по этой проблеме позволяет выявить критерии получения умозаключения: наличие посылок как причинностного компонента, соединённых с выводом при помощи связки, имплицитно объективно истинное суждение. Универсальность логической схемы «посылка-суждение-результат» утверждает фундаментальную связь причины и следствия (действия) и важность её учёта при формировании ВЗ.

Основы современных подходов к изучению ВЗ заложены в эмпиризме Д. Юма и прагматической логике Ч.С. Пирса, отмечавших опосредованность причинно-следственной связи опытом, постепенность формирования его продуктов (ассоциация, привычка, вера). Обусловленность опытом субъекта при абдуктивном типе вывода приводит к созданию гипотезы, достоверность которой является результатом определённого согласия между тремя типами вывода, а также их связи с категориями бытия и познания. Абдуктивный вывод правдоподобен, однако, он не может претендовать на истинность, так как не является

единственно возможным. Он приемлем «здесь и сейчас» благодаря прежним примерам опыта индивида, которые интуитивно признаются достаточным объяснением для интуитивно выдвигаемой гипотезы. В целом научная абдукция характеризуется выводимостью (включает процесс вывода), целенаправленностью на создание новых гипотез, выбор релевантной гипотезы исследования, прагматизмом (приближена к естественным условиям создания умозаключения), автономностью (является самостоятельным типом вывода).

Возможность прагматизации строгих логических правил привела к развитию новых направлений логики, достижения которых используются в компьютерных моделях понимания текста и создании искусственного интеллекта. Система свидетельств опыта (evidences) предстаёт в виде динамической каузальной сети, отражающей причинно-смысловые соединения между элементами системы, имитирующие сложный процесс человеческого мышления. Формирование причинных зависимостей внутри сети опирается на принцип предшества посылок следствию, которое, включаясь в каузальную сеть, само выступает посылкой нового вывода. Опосредованность предыдущей посылкой (прецедентность) приводит к большей выделенности ряда связей (статичных и динамичных), где первые становятся устойчивым фоном для вторых. Типичность некоторых связей, их частотность и доступность ведут к формированию интуиций (неосознаваемой активации этих связей), а наиболее типичные посылки предстают аксиомами «здравого смысла», или презумпциями, «якорящими» (anchor) умозаключение. Опора на прецедент активации выводных связей доказывается в работах А.П. Еремеева, И.Е. Куриленко, К.Н. Бредихина.

Рассмотрев логико-философские основания ВЗ, ориентированные на разработку универсальных законов формирования умозаключения, можно сделать вывод, что особую значимость приобретает абдуктивная модель вывода вследствие признания важности малой посылки, на основе которой строится гипотетическое объяснение. Такая посылка представляет собой итог прежнего опыта, в том числе перцептивного, трактуемый как впечатление / идея / вера (Д. Юм), свидетельство (Й. Вонг, Д.Ч. Гудинг), прецедент (И.Е. Куриленко и др.). Важной чертой выводимой опоры является степень устойчивости, что ведёт к активации на уровне неосознаваемого самоконтроля.

В параграфе 2 «Феномен процесса понимания с опорой на выводное знание в рамках когнитивного направления в науке» рассматривается когнитивная трактовка процесса понимания, определяемого как интерпретация. Этот феномен выступает универсальной мыслительной операцией, которая опирается на логическую процедуру формирования умозаключения, конструирование гипотетического контекста осуществления. Более узкая трактовка интерпретации связана с реализацией познавательной деятельности в языке. Посылками языковой интерпретации выступают как внешние активаторы (собственно знаки языка), так и их концептуальные основания (коллективные и индивидуальные).

Отношения между посылками и результатом заданы как реализация интерпретирующей функции (Н.Н. Болдырев и др.), являются результатом работы особого когнитивного механизма (когнайзера), обеспечивающего интеграцию знаний языка со знаниями о мире через постоянное приращение смыслов (Ю.Н.

Караулов). Установленные в процессе оперирования знаниями о мире смысловые связи носят как прямой, так и имплицитивный (выводимый) характер (работы В.З. Демьянкова, Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдырева, О.К. Ирисхановой, Ю.Н. Караулова, Л.А. Панасенко и др.).

В отличие от логических основ получения умозаключения, задающих процедурные основания, исследования в рамках когнитивного направления позволяют сосредоточиться на структурной и содержательной специфике посылок. С позиции когнитивной лингвистики обобщённой посылкой следует считать языковую картину мира, характеризующую своеобразием структурных компонентов (концептуально-тематических областей). С одной стороны, они являются когнитивными схемами восприятия мира и знаний о нём, с другой, – областями определения и интерпретации формируемых смыслов (Н.Н. Болдырев). Структурную и содержательную основу составляет общий концепт категории или наиболее выделенного её элемента. Прототипическая структура категории выступает залогом формирования интерпретирующего потенциала в случае, например, лексических категорий (диссертационное исследование Л.А. Панасенко): прототипические характеристики выполняют интегральную функцию, способствуя объединению элементов вокруг прототипа, непрототипические – дифференциальную, задавая установление межкатегориальных связей и поиск подходящих когнитивных контекстов осмысления.

Подобная двоякость структурного и содержательного концептуального основания языковой категории является результатом процессов, происходящих в условиях естественной категоризации. Феномен прототипа, или представления о лучшем образце, открытый в рамках когнитивной психологии Э. Рош, выступает своеобразной частной посылкой осмысления общего. Другими словами, знания об общих свойствах членов категории выводимы через знание о характеристиках её наилучшего представителя. Гипотеза Э. Рош вызвала немало споров и критических замечаний во многом по причине отсутствия полного единообразия в определении предметного образца, что опосредовало замену термина «прототип» на термин «прототипические эффекты». По нашему мнению, важность научного открытия Э. Рош заключается в экспериментальном доказательстве предметной специфики мышления и существования общей имплицитной установки опоры на перцептивно-предметный опыт субъекта, обобщение которого ведёт к формированию относительно устойчивого образца «видения» лучшего предметного воплощения знаний о категории.

Асимметрия категориальной посылки суждения, т.е. потенциальная выводимость общего через частное и, наоборот, по нашему мнению, обусловлена глубинной процедурной основой, отражающей пути восприятия и осмысления знаний о мире. Такие пути «встроены» в формируемые категории и рассматриваются как модусы, например, остенсивный и инферентный, формируемые в довербальном опыте индивида, где первый связан с обретением знания через перцепцию, второй – через операцию умозаключения по воссозданию ментальной интеграции объекта уже на концептуальном уровне (работы Е.С. Кубряковой, О.К. Ирисхановой). Подобная ментальная интеграция, связанная в когнитивной лингвистике с феноменом языковой интерпретации, также предполагает

устойчивость путей осуществления этого процесса на основании модусов интерпретации с учётом контекстной специфики, определённых, например, Л.А. Панасенко как рациональный (характеристика онтологических свойств объекта), аксиологический (эстетическая оценка), эмотивный (эмоциональные проявления субъекта интерпретации).

Следовательно, опыт познавательной деятельности позволяет полагать, что накопление результатов многочисленных умозаключений о свойствах объекта может осуществляться по схемам как «сверху–вниз», т.е. обобщённое категориальное знание включает знание о каждом отдельном члене при дополнительной опоре на причинно обусловленное представление о «лучшем» образце, так и «сверху–вниз», через установление этого образца при изучении фактического материала. Итогом становится формирование внутренней интегративной опоры, обладающей содержательной и процедурной спецификой, осознаваемо или интуитивно выводимой в каждом акте осуществления речемыслительной деятельности. Разделяемость такого ВЗ приводит к созданию обобщённых представлений об объекте (прототипе), его социокультурной специфике (прецедент в терминах лингвокультурологии, исследуемый в работах Ю.Н. Караулова, Г.Г. Слышкина, Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, Е.А. Нахимовой и др.).

Возникновение прототипов / прецедентов как установок причинного опредмеченного «видения» членов естественной категории или коллективной оценки / социально разделяемого мнения доказывает, что эти феномены создаются в силу универсальной опоры на ВЗ, обеспечивающей адаптацию стоящего за словом содержания к различным когнитивным контекстам, эмоционально-оценочным практикам и образным представлениям, включённым во внутренний мир индивида. Изыскания в рамках когнитивной семантики, позволяющие научно реконструировать процессы концептуализации и категоризации с учётом интерпретационной специфики, также показывают, что языковая проекция протекающих в естественных условиях познания и общения процессов «наследует» способность формировать имплицитные опоры, представленные в виде дополнительных концептов или процедурных оснований их задействования.

Сложность и многогранность процесса понимания, заставляющая изучать достижения различных направлений в науке, даёт возможность говорить о необходимости разработки интегративных подходов и соответствующих методов для максимального охвата при исследовании данного процесса, включая его биологические и социальные «корни» (работы А.А. Залевской, А.В. Кравченко и других). Например, в психолингвистике процесс категоризации рассматривается в контексте двух взаимообусловленных направлений: «по линии языкового знания (т.е. ИМЕНИ *объекта*) и по линии энциклопедического знания (т.е. *имени ОБЪЕКТА*), а также при сочетании универсальных закономерностей процессов дифференцирования и обобщения и национально-культурных особенностей опоры на специфику языка и на выбор наиболее типичных объектов, действий, признаков, признаков признаков и т.п.» [Залевская 2007: 185].

Параграф 3 «Исследование процесса понимания с опорой на выводное знание в рамках инференционного подхода» посвящён обзору исследований, ставящих своей целью изучение специфики процесса понимания в естествен-

ных условиях речемыслительной деятельности, что заставляет учёных признать принципиальное различие понятий «интерпретация» и «понимание». Первое определяется как научная реконструкция субъектом значения знака как условия его истинности, а под вторым подразумевается установление субъектом способа представления значения знака как релевантного смысла (диссертационное исследование А.Ю. Нестерова).

Для инференционного направления изучения процесса понимания характерно представление его как решения проблемы, что, в отличие от рационально-логического исчисления смыслов, объективно заданных структурой единицы языка и/или стоящим за ней концептуальным конструктом, привело к необходимости исследовать имплицитный потенциал значения в прагматике и роль психических предпосылок процесса мышления. Такой подход широко представлен в различных междисциплинарных теориях западных учёных, см.: ментальные модели понимания языка (работы Ф.Н. Джонсон-Лэрда); ситуативные модели комплексной обработки информации (работы Т.А. ван Дейка); конструктивно-интеграционную теорию (работы В. Кинча); теорию релевантности (работы Д. Спербера, Д. Уилсон, Р. Карстона); теорию перцептивных основ познания (работы Л. Барсалоу) и т.д. В целом инференция признаётся важнейшей когнитивной операцией по преодолению границ заданного текстом значения и получению нового знания (см. Краткий словарь когнитивных терминов).

Результаты междисциплинарных научных разработок в рамках инференционного подхода позволяют сформулировать следующие положения:

1) абдуктивная схема вывода, где посылки представлены с учётом продуктов обретения индивидом разнообразного опыта, предстаёт важной процедурной опорой получения умозаключения (работы Д. Гудинга, П. Тагарда и др.). Представления о дедуктивной модели претерпели изменения, я признавать возможность естественной дедукции (Ф. Джонсон-Лэрд и др.);

2) посылки, в том числе и категориальные, структурно и содержательно обусловлены опытом индивида и квалифицируются как суппозиция (Ф. Джонсон-Лэрд), симулятор и симуляция (Л. Барсалоу), репрезентации различной природы и структуры (Р. Зваан, К. Холиоук, Дж. Хамел и другие), остенсивный символ (Д. Спербер, Д. Уилсон, Р. Карстон) и т.д.;

3) динамический характер процесса понимания даёт возможность моделировать ход умозаключения с опорой на выводимый релевантный продукт опыта посредством ментальных моделей (Ф. Джонсон-Лэрд и другие), ситуативных моделей (ситуативная модель комплексной обработки информации Т. ван Дейка и В. Кинча, конструктивно-интеграционная модель В. Кинча) и т.д.;

4) объяснение процесса понимания в естественных условиях познания и общения невозможно без учёта принципа релевантности (не типичности!) посылок. Под воздействием некоторого стимула (вербального / невербального) субъект ищет оптимальный, кратчайший и наиболее удобный путь объяснения «для меня – здесь – сейчас», который обусловлен как языковыми, так и энциклопедическими знаниями субъекта понимания, его психофизическими особенностями. Однажды определив такой путь, он создаёт прецедентный продукт собственного (чаще положительного) опыта, включающего и содержательные,

и процедурные основания. Такой продукт выступает устойчивой опорой в процессе понимания, индивидуальной или разделяемой (модусы решения силлогизмов Ф. Джонсона-Лэрда, паттерны нейронных связей П. Тагарда, опора на остенсивный стимул в теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон и др.).

Получаемые при этом результаты являются правдоподобными установками, более важными для субъекта, чем логически истинный вывод. Моделирование соответствующих процессов даёт возможность определить стратегии решения проблемы, исходя из содержательной релевантности, частотности, доступности посылок, что ведёт к структурной асимметрии любой естественно функционирующей системы как интегративной структуры, включающей и разделяемое, и индивидуальное знание.

В параграфе 4 «Экспертное знание как фактор осуществления процесса понимания в контексте герменевтических изысканий» рассмотрен ряд теорий по проблеме понимания как глобальной универсалии, или условия бытия человека (работа И.А. Щировой, Е.А. Гончаровой). Обобщением толкований данного термина в словарях является трактовка понимания как деятельности по восприятию, постижению внешних (языковых) и внутренних (интуитивных / смысловых) связей, имплицитных основ бытия (экзистенциалистская герменевтика М. Хайдеггера); взаимообусловленности грамматического и психологического (общая герменевтика Ф. Шлейермахера); накоплению личного опыта через усвоение чужого (описательная психология и герменевтика В. Дильтея).

В процессе понимания «жизненный» мир «конституируется посредством актов переживания и понимания как мир значений, выступающих в виде типичных представлений об объектах этого мира», которые наблюдатель должен пережить, проникая в «историю» прошлого опыта Другого [Черняк 2013: 14, 16–20, 37–38]. Подобная «другость» (термин М.М. Бахтина) приводит к формированию текста в тексте, понимание которого опирается на «смысловую ткань» из переходящих одна в другую пресуппозиций (В.А. Звегинцев). Проникновение в смысловую посылку Другого в согласии с собственным внутренним «видением» позволяет выделять ментально-образные проекции автора и читателя как субъективно создаваемые продукты понимания текста.

Современные направления в герменевтике (например, школа филологической герменевтики, созданная Г.И. Богиным) изучают проблему понимания значения слова не просто как лексемы, имеющей словарное значение, а как единицы лексики, обнаруживающей особый смысл в процессе рефлексии над тем, что скрывается за внешней графической оболочкой. Работающими в рамках таких направлений учёными отмечается, что развивающаяся герменевтическая традиция не только не входит в противоречие, а, наоборот, обнаруживает много общего с другими подходами в лингвистике, в частности, с психолингвистическим, благодаря нацеленности на отыскание скрытых опор понимания и научного объяснения процессов смыслопорождения (работы Н.Ф. Крюковой, Е.В. Ильиной, И.В. Соловьёвой, М.В. Обориной и др.).

В параграфе 5 «Специфика процесса понимания с учётом психологических особенностей познающего индивида» исследуются психологические основы формирования и активации ВЗ. Признание субъекта понимания живым, «био-

логическим» существом позволило соотнести процессы биологического эволюционирования и когнитивных преобразований. Интерпретатор как наблюдатель, являющийся живой системой, обладает независимой способностью взаимодействия с наблюдаемой сущностью, её отношениями. В итоге живая система накапливает опыт в виде причинно-смысловых представлений, актуальных и потенциальных, лежащих в основе приспособления, обучения, развития (концепция аутопоззиса У. Матураны, работы А.В. Кравченко).

Обзор различных научных теорий позволяет предполагать мультимодальность репрезентируемой в памяти функциональной опоры, опосредованную перцептивной, когнитивной деятельностью и эмоционально-оценочными переживаниями индивида. Интегативность такой опоры даёт возможность сформировать целостное образное представление об опыте оперирования словом (теория двойного кодирования А. Паивио, теория ментальной образности С. Косслина, теория опосредованного перцепцией познания Л. Барсалоу и др.).

Компонентами подобной опоры выступают множественные «следы» примеров взаимодействия с объектом, характеризующиеся разной степенью устойчивости и включающие схемы динамического смыслового «видения» или контекста представления объекта. Активация интегативной опоры, опирающейся на опыт познавательной деятельности индивида, протекает на разных уровнях осознаваемости, в зависимости от «конкурентоспособности» её компонентов. Отсюда слово может *передавать* и «отдельный конкретный признак, воспринятый в рамках целостного перцептивного образа, и обобщённое представление, или схематизированный вторичный образ, бытовой концепт как отражение связей и отношений объектов при их функционировании, вычленяемых средствами умственных операций» [Веккер 1998: 609, 620].

В целом «мы обмениваемся не перцептивными сигналами, а выводами, которые делаем» [Губанов 1986: 193–195], поэтому людям часто трудно вспомнить слово, но они помнят связанное с ним умозаключение [Аткинсон и др. 2000: 307], т.е. выведенный в конкретной ситуации смысл (труды, посвящённые специфике образного «видения» объекта, И.М. Сеченова, Н.И. Жинкина, Ф.Е. Василюка, Л.М. Веккера, Н.И. Губанова, Б.Ф. Ломова, Б.М. Величковского, В.Ф. Петренко и др.). Научные обоснования образности представления различных сведений об объекте (в том числе вербальном), выдвинутые много лет назад И.М. Сеченовым, Ж. Пиаже, Н.И. Жинкиным и другими учёными, подтверждаются недавними нейропсихологическими изысканиями.

В рамках психолингвистических основ изучения процесса понимания в диссертационной работе представлено теоретическое обоснование взаимосвязи энциклопедического и языкового знания с опорой на труды Л. Выготского, Н.И. Жинкина, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьева. Интеграция достигается во внутреннем «живом» контексте, или многоуровневом мультимодальном гипертексте (психолингвистическая теория слова с опорой на концепцию образа мира, интерфейсная теория значения слова, теория самоконтроля в свете моделирования речемыслительной деятельности, модель процесса речемыслительной деятельности, спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста

А.А. Залевской). Навигация в мультимодальном гипертексте (термины А.А. Залевской) направляется топами (термин В.А. Садиковой).

В рамках психолингвистического подхода к пониманию значения слова / текста предлагается спиралевидная модель (труды А.А. Залевской), круги которой демонстрируют растущий объём переживаемых знаний. Часть этой спирали направлена во внутренний контекст многогранного опыта субъекта, другая часть предполагает отбор релевантных аспектов для создания проекции осмысления объекта «для меня – здесь – сейчас», обусловленной внешними (вербальными, ситуативными) условиями. Итогом становится проекция текста как «продукт смыслового восприятия», мультимодальный образ содержания текста (С.А. Чугунова) при задействовании механизма глубинной предикации и смысловых замен для преодоления неоднозначности воспринимаемого текста. Медиаторами выступают ключевые слова, несущие ряд функций по переходу между структурами смыслового поля благодаря специфике процесса идентификации (Т.Ю. Сазонова), полиморфности их структуры (И.В. Новикова), предметно-чувственному компоненту значения (Е.В. Карасева), связи с категорией (Л.В. Барсук), близости к ядру ментального лексикона (Н.О. Золотова), динамизму как источнику активности (С.И. Тогоева).

Получаемый интегративный смысл выступает опорой, соединяющей взаимосвязанные репрезентации, активность которых обусловлена внешними и внутренними причинами, а также уровнями модели (модель построения проекции текста Н.В. Мохамед). Опорными элементами понимания текста на поверхностном уровне могут стать авторский предтекстовый комплекс (М.Л. Корытная, В.А. Балдова), контекст (И.Ф. Бревдо), иные структурные опоры и их внутренние аналоги в виде различных признаков (И.Л. Медведева), образ ситуации (Т.В. Михайлова, С.А. Чугунова), особенности текста, например, иноязычного гетерогенного текста по специальности (М.А. Ищук).

В целом с позиций психолингвистики значение «живого» слова выступает коррелятом смысла, опорой формирования которого становится мультимодальный гипертекст продуктов переработки прошлого опыта человека, содержательное наполнение его образного представления о мире. Процесс понимания подобен гипотетической спирали, витки которой направлены на охват внутреннего опыта субъекта при идентификации значения слова «для себя» и поиск средств внешнего представления информации «для других». Ведущая роль индивида в процессе понимания обеспечивает учёт итогов всесторонней переработки знаний, структурированных в виде интегративных мультимодальных продуктов опыта, хранимых в различных участках коры головного мозга.

В параграфе 6 «Выводное знание как опора процесса формирования значения» рассматривается двухплановая (причинная) природа системных образований в языке (концепция слова как достояния индивида А.А. Залевской, трактовка значения А.А. Леонтьевым и др.). Трактовка значения как достояния индивида позволяет предполагать, что процесс понимания передаваемого единицей языка содержания невозможен без учёта интегративных опор, которые формируются непрерывно на протяжении всего периода речемыслительной деятельности индивида. Наличие таких опор, увязанных в опыте субъекта с

единицей языка, рассматривается в настоящей работе как ВЗ, или естественно формируемая динамическая опора / продукт интеграции опыта индивида, оперирующего знаниями о мире, социуме и языке. Имплицитность таких продуктов, их релевантность и правдоподобие «для меня – здесь – сейчас» ведут к их задействованию на уровне неосознаваемого самоконтроля, тогда как вербализация умозаключения часто заставляет слушающего осознанно осуществлять выведение скрытых причинных «корней» эксплицированных смыслов.

Психолингвистический подход к значению как динамической структуре не противоречит изысканиям, например, в области когнитивных исследований языка (см. модель динамического значения И. Кескеса, теорию лексических концептов и когнитивных моделей В. Эванса, модель энциклопедической семантики Дж. Олвуда). В целом изучение места имплицитного выводимого компонента в структуре значения, его природы и роли в ходе динамических преобразований позволяет определить параметры характеристики такого продукта в процессе его формирования и последующей активации (вид поиска, схем / моделей, уровень осознаваемости и т.д.).

Исследование имплицитного знания, включённого в структуру значения, выводимого с разной долей вероятности, отталкиваясь от структуры единицы языка, контекста, конвенций общения, ведётся в рамках логико-лингвистического и прагматического подходов. Устойчивая опора на ВЗ обеспечена пресуппозицией, семантической / прагматической, выводимой как истинное языковое / энциклопедическое предзнание о толковании лексического значения, семантической валентности, специфики речевого акта (Ю.Д. Апресян, М.Л. Макаров, Т. ван Дейк, В. Кинч).

Большое количество теорий, связанных с исследованием феномена пресуппозиции, привело к возникновению многочисленных её трактовок. Пресуппозиция определяется как выводимая формально-логическая инференция (М.Л. Макаров); имплицитная предпосылка фактического характера, предшествующая вербально данному тексту (Н.Д. Арутюнова, Ф. Шленкер); конвенциональное языковое / неязыковое предзнание о толковании лексического значения, семантической валентности, специфики речевого акта (Ю.Д. Апресян, В.А. Звегинцев, М.Л. Макаров), которое задаёт специальные отношения существования объекта, имплицитные именованные или дескрипцией (Н.Д. Арутюнова, С. Чапман, К.С. Доннелан); характеризуется открытостью и закрытостью (В.А. Звегинцев); запускается разными типами языковых триггеров (Б. Аббот, М.Л. Макаров, Е. Чемла, Ф. Шленкер), удовлетворяется в локальном контексте как необходимым условием её аккомодации (Ф. Шленкер, Б. Аббот); не устраняется в отрицательных и ряде других семантических контекстов (Ю.Д. Апресян, Д. Бивер, Е. Челма, К. Поттс); обладает транзитивностью (В. Кинч, Дж. Лакофф); задана темой высказывания (В.А. Звегинцев, Б. Аббот, В.Ю. Апресян), макроструктурой текста (Т. ван Дейк, В. Кинч), анафорическими замещениями объекта (Р. ван дер Сандт); фоном когнитивной модели (Дж. Лакофф); выступает гипотезой смысла сообщения, связанной со стратегией слушающего (А.Р. Лурия); считается когнитивным пространством, индивидуальным / коллективным

(микропресуппозиция / социумная пресуппозиция), или определяется как когнитивная база (макропресуппозиция) (В.В. Красных).

Определение пресуппозиции как выводимого компонента, неразрывно связанного со значением единицы языка, с одной стороны, и с когнитивным пространством индивида / социума, – с другой. Неподавляемость контекстом обеспечивается знанием непреложного факта существования объекта, совершения действия, наличия признаков и т.д., которые становятся обязательными для потенциального референта. В рамках психологии и психолингвистики такая установка, очевидно, должна соотноситься с глубинным представлением об объекте, интенциональным инвариантом (эйдосом), по мнению Н.А. Алмаева, или глубинным целостным образом в трактовке Л.В. Барсук.

Контекстуальная специфика ВЗ позволяет рассмотреть этот феномен с точки зрения его имплицитного вклада в успех коммуникации. Обобщением по проблеме имплицитности является трактовка её как семантического (Е.В. Падучева) и прагматического элемента высказывания (М.Л. Макаров), опирающегося на коммуникативные максимы как интуитивный индикатор исчисления намерения, тематический горизонт инференции (Г.П. Грайс, К. Бах, С. Чапман). Имплицитность задают способ устранения смысловой незавершённости (теория имплицитности К. Баха), характеризуемый этапностью выведения (теория релевантности Д. Спербера, Д. Уилсон). Они характеризуются относительной устойчивостью средств вербализации (теория значения «по умолчанию» С. Левинсона, концепция «шкалы» обобщённых речевых имплицитностей Л.Р. Хорна, концепция скалярных инференций Б. Гертца), являются залогом контекстуального правдоподобия благодаря синтаксической структуре (теория структурной инференции Дж. Киеркиа) или двум типам компетенций, структурно-языковой и прагматической (теория условно-истинностной прагматики Ф. Реканати). Выводная природа имплицитности состоит в закреплении «по умолчанию» за единицей языка имплицитных смыслов с разной степенью устойчивости / вариативности, в объяснении причины порождения высказывания при учёте стратегий говорящего и прежнего опыта слушающего по выведению имплицитности.

Определение ВЗ как внутреннего источника информации, с нашей точки зрения, приводит к исследованию психолингвистических оснований феномена эвиденциальности, изучение которого как грамматической категории представлено в работах А.Ю. Айхенвальд, В.А. Плунгяна, Т.Н. Астаховой и др. Эвиденциальность (от лат. *e-* «вне, за пределами» и *videre* «видеть», англ. *evidentiality*) в лингвистике связана с указанием на различные источники получения информации говорящим (прямой / опосредованный доступ). Категория эвиденциальности включает языковые средства (лексические, грамматические) передачи знаний о том, что индивид являлся непосредственным свидетелем происходящих событий (*я видел, слышал* и т.д.). Косвенность информации предполагает, что говорящий не наблюдал ситуацию, но имел / не имел личного доступа к фактам (не наблюдал пожара, но видел его следы и сделал соответствующие умозаключения, слышал от третьих лиц), что эксплицируется при помощи неопределённо-личных, безличных предложений и т.д. без утверждения истинности информации (*говорят, как стало известно, будто бы* и т.д.).

Глубокое исследование феномена эвиденциальности предпринято А.Ю. Айхенвальд. Анализ работ учёного позволил сделать следующие выводы: 1) экспликация языковыми средствами источника информации даёт возможность определить способ обретения сведений: через обращение к продукту прежнего непосредственного (перцептивного) опыта, когнитивную операцию умозаключения (инференцию), опору на мнение другого для подтверждения собственной правоты; 2) грамматическая категория эвиденциальности не исключает выход на продукт опыта субъекта (evidence) как источник информации о мире (internal support); 3) в качестве вербальных маркеров эвиденциальности (evidentials) выступают как лексические (например, глаголы чувственного восприятия и т.д.), так и грамматические средства; 4) эвиденциальность выступает универсальным явлением, присущем множеству языков.

Признание способности единицы языка имплицировать знания, языковые и энциклопедические, об источнике информации позволяет предполагать причинность устанавливаемой индивидом смысловой связи. Так, предложение *Я слышу, как Джон переходит улицу (I heard John cross the street)* помимо имплицуемой процессуальности действия обеспечивает обращение к продукту прежнего опыта «видения» схожей ситуации: походке Джона (тяжёлые шаги, звук удара о тротуар и т.д.) [Aikhenvald 2013: 20]. Имплицитная причинно-смысловая связь между языковым и энциклопедическим выступает результатом идентификации (переживания) значения слова индивидом, который субъективно маркирует для себя, в том числе и словом, продукты собственного опыта речемыслительной деятельности, являющиеся средством доступа к глубинному внутреннему контексту осуществления процесса понимания-переживания.

Изучение имплицитного выводного продукта связано с моделированием процесса его задействования. Такие модели разделены на аналоговые и уровневые, конструктивно-интеграционные, задающие выводные связи между релевантными узлами системы. Согласно первым, ВЗ создаётся цепочкой причинно связанных знаний о референте, приводит формированию социокультурного символа, закрепляемого словом (референциальная теория С. Крипке), каузальной сети смыслов (дескриптивно-каузальная теория М. Девитта, К. Стерелни), смыслового фиксатора (С. Соумс), мысленного досье / дескриптивной, «презюмтивной» поддержки (А.Д. Шмелёв).

Создание сложных моделей задаёт обращение к примерам / образцам перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта индивида. Так, основными критериями при разработке моделей процесса понимания с опорой на ВЗ в лингвистике являются имплицитность смыслового потенциала единицы языка, структурированного в виде опоры (модели, фрейма, интерпретирующего текста и т.д.); непрерывность процесса формирования и активации опор; устойчивость вследствие частотности, известности, доступности в процессе функционирования; иерархичность, возникающая благодаря динамическим изменениям опоры: от временной, создаваемой on-line структуры (контекстной модели, промежуточной сети и т.д.) до относительно стабильной сети ассоциативно-смысловых связей и отношений, обобщённой модели ситуации и т.д.; причинность формирования и активации опоры в силу обусловленности языковыми и

энциклопедическими знаниями при учёте роли индивида, а также универсальными процедурами выведения; функциональная асимметричность опоры благодаря приоритету ряда элементов, заданной интенциями субъекта («сильные» / «слабые» связи); интегративность, обеспеченная учётом контекстных условий, опосредованных функциональной спецификой единицы языка, текущей ситуацией формирования, экспертными знаниями и т.д.

На основании обзора концепций моделирования процессов понимания с опорой на ВЗ в психологических исследованиях можно утверждать, что причинно обусловленная, интегративная смысловая опора мультимодальна в силу различий линий переработки поступающей информации и может рассматриваться как образное «видение» релевантных примеров ранее обрётённого опыта взаимодействия с объектом. Слово выступает своеобразным ключом, активирующим такую опору, фиксированную в памяти посредством «следа» / «следов» как наиболее релевантных признаков в момент задействования / формирования. Ввиду разнообразия подходов и актуальности данной проблемы в различных областях науки наибольшую научную значимость должны приобретать интегративные теории в рамках междисциплинарных подходов.

Сказанное выше позволяет определить параметры ВЗ (см. табл. 1).

Таблица 1. Параметры характеристики выводного знания

Параметры характеристики ВЗ	Характеристики ВЗ
Характер активации	опосредованность причинно-смысловыми связями и продуктами прежнего опыта
Характер осуществляемого процесса	динамический характер, выводимость в рамках различных моделей / схем
Характер результата	логическая истинность / прагматическое правдоподобие результата
Характер компонента в структуре значения единицы языка	семантический / прагматический компонент лексического значения, психолингвистической структуры значения
Уровень обобщённости	конвенциональные, типичные («по умолчанию»), частные
Контекстная обусловленность	выводимые в рамках релевантного контекста удовлетворения
Характер действия	этапность выведения
Уровень осознаваемости процесса	интуитивные / осознаваемые выводы
Характер путей переработки знаний при формировании имплицитной опоры	мультимодальность имплицитной, внутренней опоры / посылки

В параграфе 7 представлены основные выводы по Главе 1.

Глава 2 «В поисках интегративной теории понимания с опорой на ВЗ» раскрываются основные положения теории эвиденциальности ВЗ и отражены этапы её формирования, включающие работу автора в русле различных научных направлений в лингвистике, что можно также проследить по перечню приводимых в автореферате публикаций.

Параграф 1 «Когнитивно-дискурсивные предпосылки теории эвиденциальности ВЗ» посвящён результатам изучения динамических основ процесса

понимания с опорой на ВЗ с позиций когнитивного подхода. В качестве предмета исследования избираются пути развития концептуального содержания, передаваемого антропонимом. Обращение к имени человека как репрезентатива большого объёма энциклопедического и языкового знания о потенциальном референте не было случайным. Целью стало выявление эксплицитных и имплицитных смысловых посылок понимания передаваемой антропонимом информации. Кроме того, изыскания в рамках когнитивной психологии, нейролингвистики доказывают, что различные аномалии, связанные с восприятием и порождением речи, работой головного мозга, помогают вскрыть процессы, которые в норме не являются очевидными.

Итогом этих исследований стал вывод о том, что концептуальное содержание, передаваемое единицей языка (в частности, антропонимом) представляет собой сложную концептуальную структуру, охватывающую языковые и энциклопедические знания, что обеспечено реализацией характеристик объекта в локальных и глобальных когнитивных контекстах. Структура такого образования асимметрична благодаря тому, что часть признаков, представляющих опыт переосмыслений в когнитивных контекстах, задана имплицитно и формирует смысловой центр, который демонстрирует устойчивое представление о носителе имени (о национальности, социальном положении и т.д.).

Развитие репрезентируемого антропонимом концептуального содержания обеспечивается функцией интерпретации, реализация которой возможна в рамках трёх интерпретационных моделей, отражающих потенциальные преобразования знаний перцептивно-предметного характера о референте, опору на примеры обращения к разделяемому знанию и субъективным конфигурациям оценочного характера. Результаты практических изысканий в рамках когнитивной лингвистики, важные в силу возможности реконструировать общую потенциальную картину путей преобразования концептуального содержания и выявления их скрытых посылок, поставили вопрос о необходимости изучения роли индивида как активного участника процесса понимания, мыслящего, чувствующего, сопереживающего, что может быть осуществлено при учётом достижений психологии и психолингвистики.

Параграф 2 «Основные положения теории эвиденциальности выводного знания» посвящён разработке психолингвистической трактовки эвиденциальности как условия смыслового переживания значения и изучению опыта моделирования процесса понимания с опорой на ВЗ в рамках интегративного (психолингвистического) подхода. Представленные в настоящей работе концепции в разных сферах научного знания позволили сделать ряд заключений:

– структура значения единицы языка двупланова, т.е., с одной стороны, формируется с учётом когнитивно-дискурсивной деятельности социума, обретающая когнитивный фон, воссоздание которого в научных целях позволяет определить стабильную картину фиксации знаний в языке; с другой, – опирается на смыслопорождающую активность индивида, ведущую к интеграции результатов его опыта, который в ходе естественной «эволюции» становится разделяемым представлением о мире;

– результаты перцептивно-предметного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта индивида представлены в виде неосознаваемых установок (имплицитных компонентов структуры значения), доступ к которым обеспечен словом. Эти имплицитные установки имеют разную степень устойчивости (обобщённый комплекс знаний об объекте, конвенциональные и частные примеры опыта), но характеризуются рядом общих оснований (фактуальностью, опосредованностью контекстом и причинностью);

– изучение динамического процесса опоры на имплицитные продукты опыта, представляющие сплав энциклопедических и языковых знаний, невозможно без учёта специфики высших психических функций человека. Особенности каналов переработки информации обнаруживают биологические «корни» познавательной деятельности, задают мультимодальность смысловой опоры;

– опора на интегративные продукты опыта обусловлена их причинной релевантностью для субъекта, что, с одной стороны, приводит к структурной асимметрии, выдвигая на передний план значимые «для меня – здесь – сейчас» компоненты и временно «притеняя» остальные, с другой, – к многоступенчатости процедурных переходов при объяснении этого выдвигания. Для субъекта процесс выведения имплицитен и может осознаваться только в случае затруднений или благодаря реконструкции в научных целях;

– моделирование процессов понимания должно проводиться с учётом важности внешних и внутренних посылок, опираться на результаты подобных исследований в различных областях науки, т.е. представлять собой интегративное «видение» процесса речемыслительной деятельности в естественных условиях познания и общения. Процесс субъективной трактовки воспринимаемого протекает с опорой на комплекс знаний об объекте восприятия в целом, на устойчивые / частные прежние примеры / контексты оперирования этими знаниями.

Изучение опоры на ВЗ в рамках логико-семантических, прагматических исследований, учёт психологических и нейролингвистических изысканий, достижений психолингвистики, а также опыт экспериментальных исследований привели к формированию гипотезы о том, что опора на ВЗ как внутренний источник информации представляет собой эвиденциальное смысловое переживание значения (далее – ЭСП), процедуру вывода–объяснения «для меня – здесь – сейчас», которая активирует внутренний причинно-смысловой потенциал (сеть релевантных смысловых опор).

Понимание феномена эвиденциальности в настоящем исследовании опирается на методологические основы психолингвистики, центральной из которых является признание значения слова достоянием индивида. Этот постулат определяет подход к процессу понимания значения слова / текста с учётом роли субъекта, который становится свидетелем внешних событий и активатором формирования внутренних представлений о них. Накапливаемый опыт перцептивной, когнитивной, эмоционально-оценочной переработки постоянно поступающих сведений о мире создаёт предпосылки внутреннего смыслового «видения» оптимальных путей объяснения «для меня – здесь – сейчас», связанных с эвристическим поиском релевантного примера прежних итогов такой переработки и предопределяющих набор языковых средств экспликации.

Выдвижение гипотезы ЭСП значения опирается на фундаментальные принципы познавательной деятельности, обеспечивающие формирование ВЗ:

- принципы функциональной организации системы (интегративности, системности, иерархичности, стабильности / вариативности);

- принцип причинности как глубинной основы выбора необходимых внутренних посылок;

- принцип одновременного переживания знания и отношения к нему при параллельности опоры на перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочный (вербальный и невербальный) опыт при осознаваемом / неосознаваемом учёте всех форм хранения знаний и стратегий их задействования (А.А. Залевская);

- принцип предшества посылок следствию (прецедентности), задающий активацию выделенных благодаря доступности, частотности, известности примеров прежнего опыта до момента формирования умозаключения в текущей ситуации; опора на такой прецедентный опыт лежит в основе формирования сети причинно-смысловых связей, обеспечивающей динамизм системы;

- принцип ассоциирования как одна из доминант динамической природы речевой организации человека, определяющий системность связей между продуктами его речемыслительной активности (Ж. Пиаже, Т.М. Рогожникова). Реализация данного принципа и установление лежащей в основе всякого знания связи состоит не в простой ассоциации между объектами, а в деятельности активного субъекта, направленной на обработку и обобщение опыта манипуляций с этими объектами (Ж. Пиаже).

Рассматривая причинность как всеобщую связь явлений, фундаментальную основу познания, движущей силой которого выступает индивид, мы считаем необходимым обосновать принцип субъективной причинности, заключающийся в способности человека выступать активным участником процессов понимания с опорой на ВЗ, аккумулировать накопленный опыт в виде «свидетельств» личной причастности, прямой / косвенной. Набор «свидетельств», причинно связанных с объектом понимания благодаря контекстам их формирования, интегрируется в целостную опору, динамическую систему связей между её компонентами, которая обеспечивает результативность объяснения «для меня – здесь – сейчас» значения активатора опоры, вербального / невербального.

Действие принципа субъективной причинности, выявленного в процессе научных исследований автора, связано с научным обоснованием применения универсальной формулы «посылки – следствие» в естественных условиях речемыслительной активности (мнение Ф. Джонсона-Лэрда и др.). Признаётся, что человек оперирует не логически истинными умозаключениями, а выводами, подтверждёнными субъективной целесообразностью и правдоподобием, с опорой на свидетельство собственного опыта (ЭСП). Образность в этом случае объясняется природой внутреннего «видения» результата действия (работы А.А. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.А. Залевской и др.).

Руководствуясь результатами изысканий в различных областях науки, а также общим методологическим обоснованием выдвигаемой гипотезы, мы сформулировали теорию эвиденциальности выводного знания, призванную обосновать специфику процесса понимания с опорой на ВЗ и интегратив-

ных имплицитных смысловых опор, обеспечивающих его результативность и правдоподобие с позиции активного индивида. В рамках данной теории ЭСП определяется как результат переработки перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта субъекта, постоянно задействованного в ходе осуществления познавательной и коммуникативной деятельности, как субъективно сформированный имплицитный объяснительный потенциал.

ЭСП выступает своеобразной «молекулой» смыслоформирования, которая, интегрируясь в более сложные структуры, обеспечивает неосознаваемый самоконтроль и формирование правдоподобных, релевантных выводов в естественных условиях речемыслительной деятельности. Фактически, ЭСП – это свёрнутое суждение о прежнем релевантном «видении» знаний об объекте, т.е. о том, как было и как может быть. Формирование / активация такого компонента интегративной опоры должны быть, с одной стороны, обусловлены психофизическими и когнитивными особенностями субъекта, принимающего и перерабатывающего поступающую информацию, с другой, – внешними условиями (вербальными и ситуативными) смыслового восприятия.

На основании теоретических предпосылок и практических итогов анализа экспериментальных данных нами был сделан ряд предположений.

1. Исходя из первостепенности роли субъекта в процессе понимания, мы полагаем, что, обретая опыт, каждый человек определяет для себя наиболее успешные ad hoc пути переработки поступающей информации, т.е. демонстрирует «Я–позицию» по отношению к сведениям, поступающим извне. Количественное накопление таких примеров задаёт качественный переход на уровень формирования стратегии внутреннего «видения» / объяснения «для меня – здесь – сейчас» как наилучшего пути достижения результата: индивид ощущает себя непосредственным наблюдателем и активирует внутреннее «живое», пропитанное чувствами прежнее представление о происходящем; он способен обобщить воспринятое в рамках категории и соотносить с рядом её членов; может подключить собственные эмоционально-оценочные переживания. Сказанное выше определено как стратегии «Я – воспринимающий наблюдатель», «Я – инферирующий аналитик» и «Я – сопереживающий участник».

2. Многократная реализация стратегии понимания с опорой на ВЗ приводит к формированию имплицитной установки, которая сложилась у индивида исходя из разнообразия действий с объектом и его именем. Это своеобразная конвенция внутреннего смыслового «видения», «по умолчанию» закрепляемая за словом в процессе накопления опыта взаимодействия. Такая установка определяется как прецедентный ракурс смыслового «видения» воспринимаемой информации о референте. Избранный ракурс отражает качественную специфику признаков, позволяющих задать оптимальный, доступный вследствие многократной проверки опытом, эффективный (обеспечивающий правдоподобие) путь создания целостного представления об объекте. Сформировавшаяся установка имеет контекстное подкрепление, которое создаётся «снизу–вверх» на базе многочисленных релевантных «для меня – здесь – сейчас» прежних контекстов выявления признаков.

3. Формирование прецедентного ракурса «видения» характеристик объекта с опорой на опыт конкретного индивида обеспечивается динамизмом системы смысловых отношений (совокупностью максимального числа потенциально возможных признаков). Глубинным основанием формирования и контроля при создании ЭСП является мультимодальный гипертекст, или содержательное воплощение образа мира индивида.

4. Результаты свободных ассоциативных экспериментов показали, что путь доступа к свидетельству внутреннего «видения» обеспечивается через наиболее яркий признак / «след» фиксации в памяти. Картирование таких «следов» позволяет утверждать неоднозначность ракурса смыслового «видения» (перцептивно-предметного, обобщающе-результативного, эмоционально-оценочного).

5. Корреляции внешнего и внутреннего динамического развития стоящего за словом содержания можно записать в виде схемы, близкой формуле вывода по аналогии: $A: B :: A_1: B_1$, где A – внешний стимул, B – пространство его функционирования (множественные вербальные контексты с учётом ситуативных условий, A_1 – эксплицитный маркер (ассоциат), B_1 – прежнее ЭСП значения, включающее уровни: устойчивый ракурс смыслового «видения» характеристик потенциального референта и способ его реализации, заданный схемой развёртывания потенциального контекста опоры на ВЗ.

6. Согласование внешне заданных условий, вербальных и невербальных, и внутренних посылок определяется степенью совпадения, что мы связываем с полилучевой моделью осуществления процесса понимания с опорой на ВЗ. Задействование этой модели с учётом конкретных внешних условий (средств языковой передачи и текущей ситуации) связано с тремя субмоделями процесса понимания содержания, передаваемого единицей языка.

Сказанное выше позволяет рассматривать слово / текст не только как «луч», высвечивающий релевантный фрагмент образа мира (А.А. Залевская), но как многолучевой прожектор, открывающий доступ к эвиденциальному переживанию знаний о фрагменте образа. На пересечении «лучей»-стратегий смыслового «видения» формируются ракурсы смыслового «видения» свойств потенциального референта и своеобразие их контекстного «бытия» (см. рис. 1).

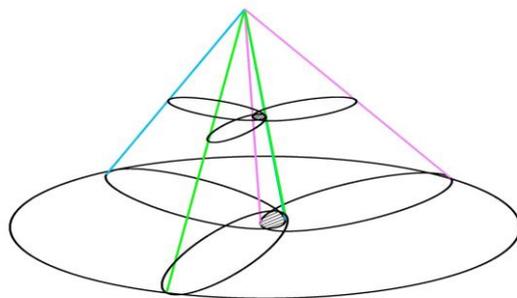

Рис. 1. Полилучевая модель опоры на выводное знание в процессе понимания.

Формирование ЭСП как смысловой опоры по идентификации значения единицы языка индивидом связано с непрерывным процессом естественного обретения опыта оперирования знаниями о мире. Континуальность переходов от единичного к обобщённому обеспечивает своеобразную спираль, где каж-

дый виток представляет новый этап обретения устойчивости, обеспеченный причинностью создаваемых связей. Установление причинно-смысловой связи выявляет одновременность активации релевантного признака / признаков объекта и обеспечение их оптимального контекстного «бытия» с опорой на прежний конкретный вариант такого опыта. Многократность частных случаев активации причинно-смысловых связей задаёт устойчивый пример того, какие признаки могут быть приписаны на основе разнообразного опыта индивида при условии соответствующего контекстного обоснования.

Наибольшая устойчивость знаний о релевантных признаках объекта достигается посредством ракурса смыслового «видения» и обобщённых способов их контекстного «бытия». Такое динамическое основание ЭСП значения обретает экспериенциальную разделяемость, так как его глубинной основой является целостный внутренний контекст осуществления процессов познания и общения, динамизм которого обеспечен универсальными смысловыми отношениями, что позволяет предположить уровневость структуры ЭСП (см. рис. 2).

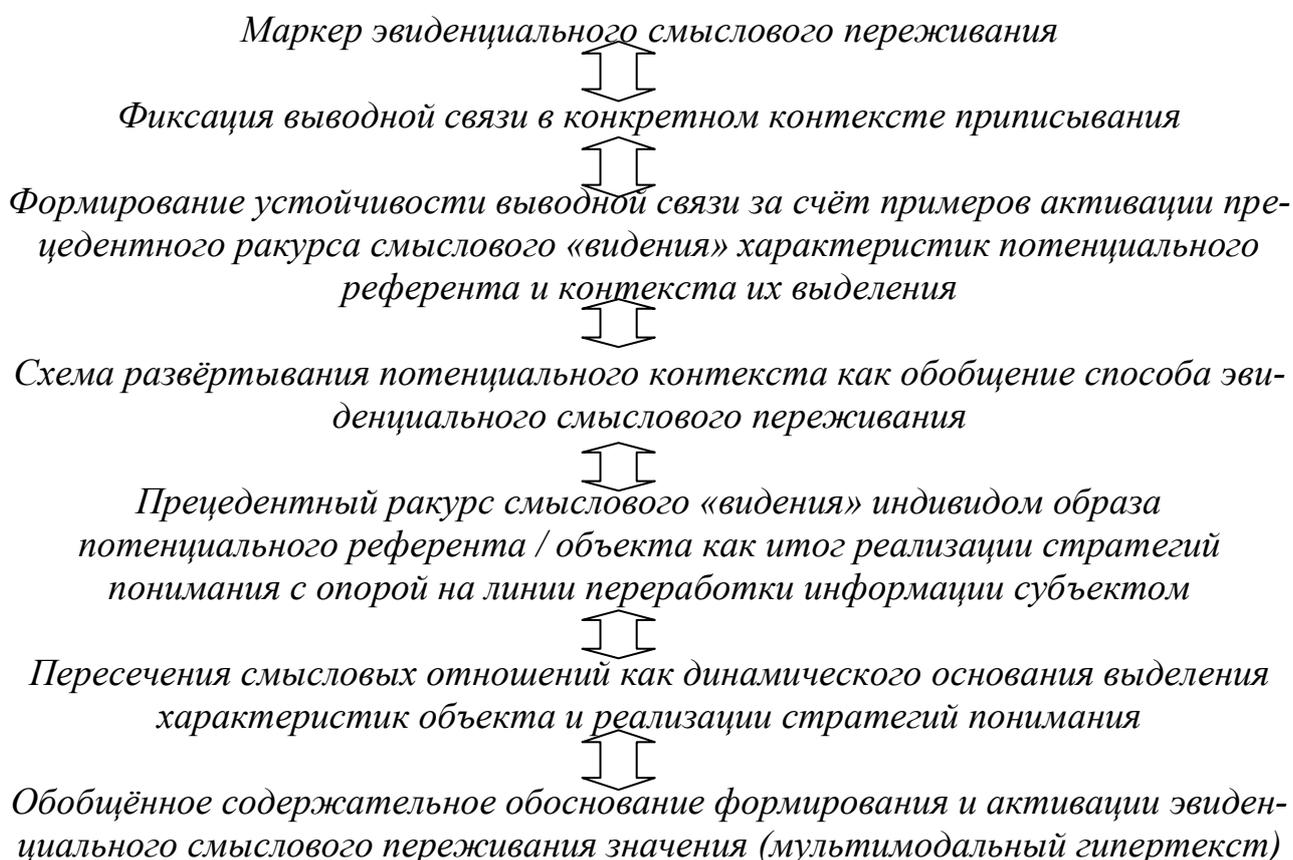

Рис. 2. Процесс формирования эвиденциального смыслового переживания значения

Задействование опоры на ЭСП при понимании текста является сложным процессом благодаря наличию внешнего (вербального, ситуативного) целостного контекста представления, который выступает средством ограничения числа потенциально релевантных ЭСП читателя, а также предполагает наличие прежних ЭСП автора с учётом его личностного опыта и экспертных знаний.

Понимание Другого, «видимого» глазами читателя, заставляет последнего искать пути согласования, что выражается в последовательности действий: 1) реконструкции читателем проекции ЭСП автора при помощи выявления ключевых слов (внешняя посылка), что имеет результатом образное представление о свойствах конкретного референта, исходя из внешнего контекста; 2) активация релевантных ЭСП читателя (внутренняя посылка); 3) формирование ad hoc проекции согласования ЭСП автора и читателя. Такое согласование влечёт разную степень совпадений, что мы связываем с тремя субмоделями реализации опоры на ВЗ в рамках общей полилучевой модели.

1. Субмодель минимального задействования ВЗ демонстрирует высокую степень совпадения внешне заданного и прежних ЭСП субъекта, который прибегает к незначительному приписыванию релевантных, с его точки зрения, признаков (например, субъективное «видение» процесса прихода сумерек).

2. Субмодель смыслового паритета предполагает, что при сохранении тематической общности читатель опирается на иной прецедентный ракурс смыслового «видения», имплицитный ключевыми словами.

3. Субмодель смыслового сдвига связана с примерами, когда любой элемент текста в силу языковой (имя собственное, особенности семантики) / энциклопедической (социокультурная значимость) специфики становится толчком выхода за рамки контекстно допустимого толкования с переносом в сферу новых эмоционально-оценочных переживаний.

В целом теория эвиденциальности ВЗ предстаёт научным обоснованием динамического развития значения посредством активации интегративной опоры на ВЗ, формируемой индивидом / индивидами в процессе понимания. Целостность такой опоры обеспечена причинностью связей между компонентами как продуктами опыта активно познающего субъекта. Названные компоненты – это своеобразные «свёрнутые» суждения по определению релевантных смыслов, которые выступают доминантами в тех или иных естественных контекстных условиях и эксплицируются маркерами–ассоциатами. Выявление таких смысловых «следов» обусловлено единством мультимодальной базы и глубинных динамических источников смыслового развития (топов).

В параграфе 3 Главы 2 «Метод реконструкции процесса понимания с опорой на выводное знание» дано описание взаимосвязанного набора экспериментальных процедур проверки гипотезы об ЭСП слова / текста активным субъектом в естественных условиях познания и общения.

Глава 3 «Экспериментальное исследование процесса понимания слова / текста с опорой на ВЗ» посвящена применению названного выше метода на практике. Целью данного исследования является реконструкция процесса понимания с опорой на ВЗ. В параграфе 1 «Общие требования к проведению экспериментов» изложены общие положения, касающиеся организации, этапов проведения и обработки результатов выполнения экспериментальных заданий. Материал экспериментов отвечает следующим требованиям: вербальные стимулы различны по объёму (слово – фрагмент текста), относимы к разным лексико-семантическим разрядам, стилистически неоднородны; часть стимулов дана во внеконтекстной среде; стимулы повторяются в разных заданиях с це-

люю проследить особенности идентификации их значения в различных контекстуальных условиях. Интервал предъявления заданий – не менее 5 дней для нивелирования интерференции у испытуемых (далее Ии). Условием организации экспериментального материала являлось задействование одних и тех же слов-стимулов и в свободном ассоциативном эксперименте, и в других заданиях, связанных с установлением влияния разного по объёму внешнего контекста на процесс понимания с опорой на ВЗ.

В параграфе 2 Главы 3 «Предпосылки опоры на выводное знание в процессе понимания» изучаются факторы, влияющие на формирование и функционирование выводных опор понимания значения единицы языка. На основании изложенного выше и проведённых экспериментальных исследований нами принята попытка систематизировать различные предпосылки, объективные и субъективные, языковые и неязыковые, предопределяющие опору на ВЗ в процессе понимания индивидом передаваемого единицей языка содержания.

В третьем параграфе «Анализ результатов исследования при отсутствии вербального контекста» представлен ряд экспериментов по выявлению маркеров причинно-смысловых связей и выдвинуты рабочие гипотезы. *Рабочая гипотеза 1*: понимание значения слова в процессе его непрерывного эволюционирования обеспечивается «облачным сервисом» – интегративной опорой, которая структурно представляет собой поле маркированных причинно-смысловых связей, обеспечивающих переход к свёрнутым имплицитным продуктам («свидетельствам») прежнего опыта оперирования словом. Содержательная специфика такого поля создаётся на основе экспериенциальной разделённости релевантных ЭСП каждого индивида, обусловленной общностью стратегий формирования причинно-смысловых связей в прежних контекстах понимания с опорой на ВЗ.

Для определения смыслового поля маркеров ВЗ из 4 текстов экспертами были отобраны 17 стимулов. В свободных ассоциативных экспериментах приняли участие 591 Ии., обработано 1949 реакций. В число отобранных стимулов вошли существительные, репрезентирующие знание о совокупности действий в разных сферах деятельности (ЛЕЧЕНИЕ, ИНВЕСТИЦИЯ, КРЕДИТ, ПЕРЕГОВОРЫ), об изменении физического / экономического и т.д. состояния (КРИЗИС, СУМЕРКИ, УГАСАНИЕ, ПРИБЫЛЬ), части целого (ПАЙ) или целостном представлении об объекте (ВЗАИМНЫЙ ФОНД), о месте (МЕСТО) с его конкретизацией (УКРАИНА), времени (ВЕЧЕР) и т.д. Некоторые из названных стимулов относятся к терминологической лексике и предполагают наличие экспертных знаний. Три из них представляют собой широко известные имена собственные (Е. ПЛЮЩЕНКО, УКРАИНА, АМЕРИКА), которые имплицитно содержат значительный объём энциклопедических знаний.

Результатом обработки стало определение границ смыслового поля маркеров опоры на ВЗ, где каждый стимул обнаруживает: 1) разное число причинно-смысловых связей (например, со словом СУМЕРКИ увязываются 104 маркера таких связей, а с именованными ПАЙ и ВЗАИМНЫЙ ФОНД – только по 63 при примерно одинаковом числе респондентов); 2) количественную выделенность отдельных маркеров, что говорит об устойчивости активизируемых причинно-

смысловых связей; 3) имплицирование прежних «свидетельств» задействия этих связей, что обеспечивает «конкурентоспособность» последних; 4) особенности путей перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочной переработки информации, устойчивость которых задаёт определённую стратегию понимания с опорой на ВЗ и общую специфику выделяемых признаков.

Гипотезу о существовании глубинных прецедентных ракурсов смыслового «видения» релевантных характеристик потенциального референта, или набора признаков перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочной природы, мы проверили в ряде свободных ассоциативных экспериментов. В качестве стимулов были отобраны примеры терминологической лексики экономической тематики: ПАЙ, ВЗАИМНЫЙ ФОНД, КРИЗИС, КРЕДИТ, ЦЕННАЯ БУМАГА, ИНВЕСТИЦИЯ, ПРИБЫЛЬ. В экспериментах участвовало 169 Ии., обработано 1420 реакций, из которых 60 отказов, что вызвано, с нашей точки зрения, отсутствием необходимых экспертных знаний. Например, отказов реагировать на стимулы ПРИБЫЛЬ, КРЕДИТ не было, на КРИЗИС, ЦЕННАЯ БУМАГА отмечено всего по 2, тогда как на ПАЙ, ВЗАИМНЫЙ ФОНД, ИНВЕСТИЦИЯ – по 23, 22 и 10 соответственно. Анализ итогов привёл к ряду выводов.

1. В процессе понимания значения стимулов с опорой на ВЗ Ии. демонстрируют перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочную специфику прецедентного ракурса смыслового «видения», что определено особенностями причинно-смысловых связей, обеспечивающих поиск релевантных признаков / характеристик конкретного референта, обобщающего понятия, результатов эмоционально-оценочного переживания.

2. В целом фиксируется перцептивно-предметное «видение» характеристик, которые выступают опорой ЭСП значения (например, стимула ПАЙ). С нашей точки зрения, это обусловлено затруднениями, вызванными отсутствием экспертных знаний, и поиском конкретного референта как объяснительной опоры – субъективного «свидетельства» опыта, что помогает идентифицировать стоящее за словом содержание. Так, значение стимула ПАЙ в 59% случаев конкретизируется как *яблочный пирог, кекс, участок / часть / доля земли, сад, огород, сухпаёк, деньги, акции, кусок* и даже *М. Круг* как исполнитель песни *Девочка Пай* и т.д. Схожие тенденции связаны со стимулами ЦЕННАЯ БУМАГА (71%), ПРИБЫЛЬ (51%). Ии. «видят» за термином ЦЕННАЯ БУМАГА конкретные реализации (*акции, деньги, доллар, вексель, договор, банк* и т.д.). Переживание значения стимула ПРИБЫЛЬ не только устанавливает наличие дохода, выгоды, прибавления [Ожегов 1963: 577], но «материализует» важные элементы этого процесса (*деньги, покупки, машина, зарплата, Газпром* и т.д.).

3. Наблюдается тенденция к эмоционально-оценочному «видению» того, как могут быть охарактеризованы потенциальные референты, их действия, т.е. то, как переживается значение лексических единиц экономической тематики, а именно: положительно или отрицательно.

Положительная оценка для стимула ИНВЕСТИЦИЯ обуславливает реакции *благо, доход, развитие, семья*; для стимула ЦЕННАЯ БУМАГА – *прибыль, доход, накопление, дорогая, нужная* и т.д.; для стимула ВЗАИМНЫЙ ФОНД – *помощь, благотворительность, доверие, взаимопонимание, выгода / для всех*

сторон, прибыль, содружество, вместе, добро / любовь, что-то хорошее; для стимула ПРИБЫЛЬ – деньги, доход, зарплата, радость, хорошая и т.д.

Для стимулов ИНВЕСТИЦИЯ (26%) и ПАЙ (32%) такой ракурс не является доминантным. Значение этих стимулов чаще переживается при обобщающе-результативном «видении» действий потенциального референта (*финансирование, вложение в бизнес* и т.д.), отрасли вложения (*экономика, бизнес, строительство*), условий и последствий (*капитал, налоги, законы* и т.д.), сферы деятельности (*финансы*). Эмоционально-оценочный ракурс является априорной установкой на позитивную оценку итога (*благо, доход* и т.д.). Объяснение эмоционально-оценочного «видения» значения стимула ПАЙ имплицитно фразеологическим сочетанием *пай-мальчик / девочка*, разговорным сокращением *паинька* («ласково-поощрительное название послушного ребёнка» [Ожегов 1963: 479]): *мальчик, девочка, милый человек*, а также представлением о поведении, взаимоотношениях (*хорошее поведение, дружба, обман*).

Отрицательная оценка стимулов КРИЗИС, КРЕДИТ обеспечивается переживанием их значений как *проблем с деньгами, бедности, безденежья, плохо / всё плохо, нищеты, убытка* и т.д.; *финансовых проблем, рабства, кабалы, долговой ямы, обмана* и т.д. Если негативная оценка в случае с КРИЗИС объяснима коннотациями, зафиксированными в словарной дефиниции, то стимул КРЕДИТ, наоборот, соотносим с позитивным развитием бизнеса, экономики. Словарное значение («суда, ... коммерческое доверие; доверие, авторитет; отпускаемая денежная сумма» [цит. раб.: 296]) содержит положительные коннотации, но ракурс смыслового «видения» отрицателен (*тягость, зло, воровство* и т.д.), исходя из негативного опыта индивида.

4. При отсутствии экспертных знаний предпосылкой обращения к ВЗ становится фонетическая форма, что соотносимо с идеей Л. Барсалоу об акустических симуляциях, вызываемых фонемами и продуцирующими соответствующие инференции: ПАЙ – *чай, папа, пайка, лай, бай* и т.д. Звуковое сходство выступает причиной активации прежних ЭСП (*прибыль – быль*), что обеспечивает переход к иным контекстам «бытия», например, социокультурным (*быль – сказка*), профессиональным, известным индивиду (*инвестиция – инфляция, инверсия, организация, юстиция*).

Количественная неоднозначность полученных данных (некоторые Ии. давали более одного ответа) позволила нам предположить смысловую связь, между ними, с одной стороны, и смысловую неравнозначность элементов в таких реакциях, – с другой. Отсюда выдвигается *рабочая гипотеза 2*: маркеры причинно-смысловых связей можно представить как структуру взаимосвязанных компонентов, характеризующую определённую асимметрию. Например, для понимания значения стимула СУМЕРКИ, трактуемого в словаре как «полутьма между заходом солнца и наступлением ночи, а также перед восходом солнца» [Ожегов 1963: 768], важными признавались перцептивно-предметные признаки, связанные с временем суток, состоянием окружающей среды, наличием объектов / субъектов (*темнота – Белла и Эдвард – ужасный фильм; темнота – фильм; ночь – звёзды – полная луна; вампир – ночь – тень - звёзды*); когнитив-

ные признаки с опорой на обобщения (*фильм – ночь – луна; сага – «Затмение»*), эмоционально-оценочное переживание (*красивый – ночной туман*).

Ии. в ходе ЭСП значения стимула осуществляют: 1) обращение к релевантному маркеру причинно-смысловой связи, который высвечивает определённый ракурс смыслового «видения». В случае стимула СУМЕРКИ такими ракурсами являются: «сумерки как пространственно-временное событие», «сумерки как одноимённый фильм о жизни вампиров», «сумерки как эмоционально-оценочное переживание». Эти связи имеют потенциальное контекстное подкрепление, которое может оставаться в «тени», но может эксплицироваться на примере смысловой цепочки; 2) развёртывание прежних контекстов реализации причинно-смысловых связей, что чаще начинается с пространственно-временной локализации и сопутствующих перцептивных ощущений (*ночь / темно / холодно* и т.д.), продолжается указанием на когнитивные обобщения (*время суток / дня, фильм* и т.д.) и завершается эмоционально-оценочным переживанием, передаваемым имеющей выраженный коннотативный потенциал лексикой (*ужасный фильм / безысходность / поэзия / романтика*); 3) задействование прежних примеров контекстного выделения релевантных признаков того или иного способа переживания: предметно-чувственного уточнения (СУМЕРКИ – *горизонт, луна, звёзды, вечер; вампир, тень, звёзды; мутно, серо* и т.д.), обобщения (СУМЕРКИ – *фильм / сага, время дня* и т.д.), поиска эмоционально-оценочных признаков, иных лингвокультурных оснований в процессе понимания (СУМЕРКИ – *убийца, безысходность; романтика*).

Исходя из того, что не все Ии. давали множественные реакции, мы сочли необходимым проверить наметившуюся тенденцию к выведению прежнего контекста установления причинно-смысловых связей. Это позволило сформулировать *рабочую гипотезу 3*: переживание значения стимула даже вне языкового контекста имеет эвиденциальный характер, т.е. обнаруживает субъективно созданную причинно-смысловую последовательность. Для проверки гипотезы из примеров множественных реакций были сформированы четыре группы слов, потенциально объединённых общей темой. Порядок их организации в задании был произвольным: 1) *сумерки, день, угасание, вечер, небо*; 2) *финансовый кризис, помощь, Украина, кредит, переговоры*; 3) *пай, инвестиция, прибыль, ценная бумага* (далее – ЦБ); 4) *спорт, лекарство, восстановление, травма, лечение*. В выполнении задания приняли участие 630 Ии., обработано 679 ответов. Ии. было предложено составить смысловую последовательность из элементов группы; при необходимости было разрешено добавлять недостающие, с их точки зрения, звенья формируемой смысловой цепочки.

Анализ ответов Ии. позволяет реконструировать процедуру осуществления процесса понимания с опорой на ВЗ во внутреннем контексте процессов познания и общения: причина – её характеристика – мотивационный толчок – необходимые действия / объекты – конечный итог. Этот структурный каркас составляет инвариант активации стимулом имплицитного ЭСП значения: внешняя причина и её эксплицитные характеристики – внутренний маркер релевантной причинно-смысловой связи – «свёрнутое» суждение, предполагающее устойчивую установку «видения» релевантных признаков и способов

их контекстного представления – образ результата (согласование внешних и внутренних посылок) – его манифестация.

Наличие нескольких стимулов предполагает, что ЭСП их значений должны обнаруживать точки пересечения, которые, очевидно, возникают благодаря схожести прежних контекстов опоры на ВЗ в каком-либо отношении. Так, слова, находящиеся в одной группе со стимулом СУМЕРКИ, в большинстве случаев соотносимы с маркерами причинно-смысловых связей как компонентами ассоциативно-смыслового поля этого стимула, которые помогают установить общность ракурса смыслового «видения» характеристик референта (чаще перцептивно-предметного для стимулов СУМЕРКИ, ВЕЧЕР). Схожими для этих стимулов выступают признаки, связанные с особенностями явления (процессуальность, динамичность, переходность), что подтверждено словарными определениями: *сумерки* – «полутьма между заходом солнца и наступлением ночи, а также перед восходом солнца» [Ожегов 1963: 768]; *вечер* – «часть суток перед наступлением ночи, следующая после окончания дня» [цит. раб.: 73]; *угасать* – «то же, что и гаснуть», т.е. «переставать гореть, светить» [цит. раб.: 123, 810].

Эти признаки предопределяют способ потенциального имплицитного контекстного воплощения. Внешние (ситуативные) условия проведения эксперимента опосредуют выбор слова *день* (эксперимент проводился в дневное время) в качестве отправной точки (причины) активации потенциального контекстного обоснования. Потенциальная процедура опоры на прошлый опыт включает учёт эксплицитных характеристик причинного элемента, маркер наиболее яркой имплицитной причинно-смысловой связи, способ представления этой характеристики в потенциальном контексте и, как следствие, интегрируемый на базе внешних и внутренних посылок образ результата с последующей манифестацией. Потенциальный пример опоры на эту процедуру соответствует наиболее частотной расстановке элементов: *день – небо – угасание – сумерки / вечер* (последний элемент цепочки в соответствии с данными свободных ассоциативных экспериментов фактически отождествляется с приходом ночи).

Параграф 4 «Экспериментальное исследование влияния внешних и внутренних посылок опоры на выводное знание» посвящён изучению влияния контекстуальных условий, заданных вербально и сформированных в процессе создания ЭСП. Результаты прежних экспериментов показали, что в условиях отсутствия языкового окружения слова Ии. задействуют процедурную установку формирования потенциального контекста. Это даёт возможность сформулировать *рабочую гипотезу 4*: каждый маркер причинно-смысловой связи, активируемый стимулом, открывает доступ к обобщённому ракурсу смыслового «видения» потенциально подходящих признаков объекта и одновременно оптимальному способу контекстного обоснования выделения характеристик / признаков, релевантных «для меня – здесь – сейчас».

Исходя из признания принципа субъективной причинности в качестве одной из основных теоретических опор процесса задействования ВЗ, можно утверждать, что роль индивида в данном процессе является определяющей. Он выступает заинтересованным свидетелем, как бы вживающимся в заданную средствами языка ситуацию и осуществляющим в ходе понимания необходи-

мую, с его точки зрения, корректировку, руководствуется сложившимися имплицитными установками. Другими словами, имея определённый ракурс смыслового «видения», субъект намечает для себя пути того, какой набор значимых признаков (перцептивных, когнитивных, эмоционально-оценочных) является значимым благодаря специфике линий переработки поступающей информации.

Позиция субъекта как главного инициатора процесса понимания–объяснения «для меня здесь – сейчас» рассматривается в качестве основного глубинного мотива, который реализуется посредством трёх стратегий «Я – воспринимающий наблюдатель», «Я – инферирующий аналитик» и «Я – сопереживающий участник». В первом случае индивид выделяет перцептивно-предметные ощущения как доминантные в любом контексте представления объекта, фокусируется на соответствующих характеристиках и процессуальности происходящего. Вторая стратегия необходима при когнитивном осмыслении, когда детали не слишком важны, а на передний план выступает значимость обобщения и причинно-следственных выводов. Третья линия внутреннего «видения» связана с поиском новых путей объяснения, когда перцептивно-предметные и обобщённые характеристики как бы отходят в тень и акцентирование получают аспекты, связанные с имплицитными эмоциями и оценками.

Насколько естественны для субъекта такие подходы к потенциальному контекстному развитию, должен был выявить следующий эксперимент, заключающийся в реконструкции Ии. возможного контекстного обеспечения значения идентифицируемого стимула. Задание предлагало закончить пять стимулов–предложений, состоящих из вербальной «заготовки», включающей / не включающей стимулы, использованные ранее в свободных ассоциативных экспериментах: *Когда наступают сумерки, ...; Если происходит финансовый коллапс, ...; Когда я ... из-за границы, я ...; Паевой фонд – это ...; Если компания хочет получить прибыль, то* Часть стимулов составлена на основе текстов, эксперименты по пониманию которых были проведены позже.

Изучение конкретных случаев субъективного «додумывания» должно помочь определить общие стратегии переживания значения стимула, предложенного в редуцированном вербальном контексте. Всего в эксперименте приняло участие 555 Ии., обработано 724 реакции при 114 отказах (16% от общего числа). При выяснении причины отказов Ии. ссылались на отсутствие достаточных знаний о паевых фондах (58 отказов) и нежелание обсуждать проблемы Украины (40 отказов), хотя стимул не содержал этого топонима. В остальных случаях число отказов было незначительным.

Результаты эксперимента показали, что Ии. реализуют названные выше стратегии с опорой на ракурс смыслового «видения» характеристик объекта и при наличии более сложного вербально заданного стимула. Так, процесс достраивания недостающей части предложения-стимула происходит по примерно одинаковому плану: 1) определение ключевых элементов в предъявленном стимуле; 2) обращение к ресурсам ассоциативно-смыслового поля маркеров опоры на ВЗ и фиксация релевантных причинно-смысловых связей; 3) задействование «свёрнутого» суждения (ЭСП) о значении ключевого элемента / ключевых элементов стимула и поиск потенциальных контекстных реализаций;

экспериментальная разделяемость такого контекстного «бытия» возникает благодаря общности имплицитных установок, сформированных на базе прошлого опыта (ракурс смыслового «видения» и оптимальный общий способ контекстного представления), а также стратегий понимания с опорой на ВЗ; 4) формирование образа результата объяснения «для меня – здесь – сейчас».

Для стимула СУМЕРКИ реализация этого плана позволяет описать варианты вербального воплощения результатов опоры на ВЗ.

1. Ии. опираются на различные маркеры, представленные в ассоциативно-смысловом поле стимулов СУМЕРКИ / ВЕЧЕР и задающие переход к прошлому опыту эвиденциального переживания, а именно: *прогулка, гулять, молодёжные компании гуляют, улица, фонари, тишина, небо, звёзды, свидание, спать, темнота, темно, отдых, приятно, холодно, тепло, сочетание красок за окном, дом, семейный ужин, закат, солнце начинает садиться* и т.д. Следует отметить, что маркеры, связанные с фильмом о вампирах, в значительном количестве отмеченные в свободном ассоциативном эксперименте, практически отсутствуют, за исключением двух реакций (... *на улицу выходят звери / все вампиры выходят на охоту*), первая из которых также позволяет предположить косвенную связь с вампирами. По нашему мнению, это обусловлено смысловыми ограничениями, наложенные редуцированным вербальным контекстом;

2. Реализация стратегии «Я – воспринимающий наблюдатель» происходит при детальном описании какого-либо отдельного явления, последовательности воспринимаемых предметов / событий, включая возможность выделения отдельных элементов такого примера (характеристик, связанных с ощущениями, эмоциями), а также поиск подходящих замен (приписок), так как прежние примеры контекстной реализации не могут быть полностью идентичны в условиях текущей ситуации. Так, событие прихода вечера [*Когда наступают сумерки ...*] получает развитие в виде описания привычного образа действий Ии. (*я просыпаюсь / я включаю любимую музыку, усаживаюсь на диване и читаю / я еду домой / медленно и спокойно засыпаю* и т.д.); характеристики окружающей среды с выделением какого-то важного аспекта и эмоционально-оценочным «додумыванием» (*становится холодно / легче дышать / прохладно и спокойно / уютно и тихо / небо темнеет, и на нём появляются звёзды / небо постепенно темнеет, и восходит луна / наступает ночь* и т.д.). Средствами вербальной манифестации выступают безличный глагол (*становиться*), формы 1 и 3 лица настоящего времени глаголов, отражающие процессуальность происходящего, сравнительная степень прилагательных (*тяжелее, легче*), соответствующая лексика, дающая возможность передать объективные и субъективные перцептивно-предметные событийные контексты.

Следует отметить, что ряд ответов включал обобщения, которые помогают определить смысловой акцент на наиболее значимом фрагменте. В этом случае акцент смещён в сторону совокупного представления о происходящем, что, очевидно, свидетельствует об иной стратегии представления этого «видения» («Я – инферирующий аналитик»). Эти обобщения касаются наблюдений о совокупности субъектов / объектов, их действий, что несколько сокращает количество элементов в последовательно развивающемся контекстном обосновании.

Например, *мы встречаемся и общаемся с родными / люди занимаются своими делами, расслабляются, читают, спят / людей на улице становится всё меньше / птицы собираются в стаи и летят навстречу закату / весь город охватывает гробовая тишина / всё затихает / все люди готовятся ко сну* и т.д.). Передача переживаний с обобщением достигается за счёт определительных и личных местоимений (*мы, все, всё, весь*), собирательных существительных (*люди, мир, город, природа, время* как совокупность частей суток), множественного числа существительных (*птицы, фонари*).

Фокусировка на личном психоэмоциональном состоянии задаёт примеры реализации стратегии понимания с опорой на ВЗ («Я – сопереживающий участник») и эмоционально-оценочный ракурс смыслового «видения»: *мне хочется спать / хочется лечь в постельку с чашкой чая и посмотреть фильм, если на улице идёт дождь / хочется не делать домашку / становится грустно / приятно прогуляться по прохладным улицам* и т.д.). Эмоционально-оценочные переживания вербализуются при помощи модальных предикативов (*можно, нужно*), глаголов эмоционально-оценочного состояния и желания (*хочется, сожалеем, расслабиться, хвалить*), наречий (*приятно, грустно, уютно, наедине*), существительного (*душа*), 2-го лица личного местоимения (*ты*).

Сходные тенденции реализации стратегий отмечаются при завершении других предложений-стимулов. Рассмотрев случаи восстановления структуры и смыслового содержания предложения, можно сделать ряд выводов.

1. При «достройке» смыслового содержания при минимальных ограничениях со стороны внешнего (вербального и ситуативного) контекста Ии. обращаются к ЭСП, уровневая структура которого имеет глубинные основания. Этот процесс реализуется в соответствии со стратегиями («Я–позицией») субъекта, или того, как в целом индивид «видит» свою роль: в качестве наблюдающего, анализирующего, сопереживающего участника происходящего.

2. Реализация определённой стратегии обусловлена принципом субъективной причинности, предполагающим, что текущее «видение» именуемого объекта не только предметно, но и причинно, т.е. обусловлено внешними и внутренними посылками в контексте наличной ситуации и прежних контекстных воплощений его значимых характеристик. Активация динамического продукта (ЭСП) в рамках некоторой стратегии предполагает глубинное инвариантное основание, обеспечивающее развёртывание правдоподобного имплицитного суждения о релевантных признаках объекта / ситуации.

3. Являясь отражением роли активного субъекта в процессе многих актов понимания с опорой на ВЗ, та или иная стратегия предполагает формирование установки «видения» субъектом значимых признаков объекта: перцептивно-предметной, обобщающе-результативной, эмоционально-оценочной.

4. Практическим обоснованием реализации стратегии является многообразие контекстных свидетельств / примеров накопления знаний об объекте. Такие примеры неоднородны, в условиях редуцированного внешнего контекста демонстрируют различия в способе представления и организации компонентов потенциального контекстного обеспечения, которое до момента активации находилось как бы «в тени».

Названное выше предположение, сформулированное на основе экспериментальных данных, позволяет выдвинуть *рабочую гипотезу 5*: при различиях во внешнем контексте внутренние процедурные установки активации потенциального контекста «видения» релевантных признаков объекта характеризуются общностью способов представления таких признаков и схем организации примеров их конкретного «бытия». Для проверки этой гипотезы Ии. было предложено заполнить по одному пропуску в каждой части трёх предложений–стимулов, т.е. в условиях почти максимальной вербальной заданности. В эксперименте участвовало 357 Ии., обработано 357 реакций при 25 отказах (6% от общего числа ответов). Целью эксперимента было проверить, степень влияния почти полноценного внешнего контекста на активацию ЭСП.

При обработке ответов по достройке предложения–стимула *Сумерки ..., и небо становилось ...* был сделан ряд выводов.

1. Формирование образного представления о потенциальном референте обусловлено ключевыми словами *сумерки* и *небо*. На основании предыдущих экспериментов стимул НЕБО рассматривался как детализирующая характеристика событийного переживания знаний о явлении, означенном словом *сумерки*. Кроме того, этот стимул входит в ассоциативно-смысловое поле маркеров причинно-смысловых связей стимула СУМЕРКИ (*небо, небо смеркается* и т.д.). В целом образное представление о сумерках рассматривается под перцептивно-предметным углом смыслового «видения» (в примерно 68% ответов).

2. Перцептивно-предметный ракурс смыслового «видения» признаков образного представления ситуации сумерек, задаваемый ключевым словом, очевидно, предопределял отбор релевантных признаков, позволяющих сформировать потенциальное контекстное «бытие», иногда с изменением самого стимула (*Сумерки. Вечереет. Сильно похолодало*). Иные ракурсы связаны с «видением» сумерек как части суток или фона собственного психоэмоционального состояния (*сумерки моего рассудка*).

3. Несмотря на различия ракурсов смыслового «видения» Ии. позиционировали себя как наблюдателей того, что якобы происходит вокруг, или описывали собственное психоэмоциональное состояние. Процесс такого описывания с опорой на прежний опыт мы связываем с сукцессивно-дескриптивным способом задания контекстных условий, что конкретизируется при помощи ряда схем и формируемых на их основе примеров.

А. Схема «образ объекта / ситуации – перцептивно-предметная детализация» за счёт фокусировки на специфике образа действия и временной локации ([*Сумерки*] *наступали / были всё ближе и ближе / (незаметно) приближались / наступали стремительно / надвигались с течением времени / сгущались* и т.д.); образа действия и пространственной локации ([*Сумерки*] *плавно накрыли горизонт / приближались / ложились на землю / опускались на город* и т.д.); количества параллельно происходящих действий (...[*небо становилось*] *мрачнее. С соседней улицы слышался звон*); цвета (...[*небо становилось*] *чёрным / серым / синим / оранжево-красным / тёмно-красным / багрово-красным / серебряным* и т.д.); освещённости (*тёмное / яркое / ярче и ярче / яснее*); наличия дополнительных объектов (*полное звёзд / с кристально мерцающим звёздами*).

Б. Схема «образ объекта / ситуации – частичное обобщение» при сохранении перцептивно-предметной детализации ([Сумерки] *наступили / закончились / начались / опустились / стали сменять день, [и небо с вычёркиванием глагола становилось] больше не темнело. Мир готовился ко сну; [Сумерки]. Холодный ветер, дождь и ливень, в общем, всё как обычно...* (пунктуация Ии. сохранена).

В. Схема «образ объекта / ситуации – эмоционально-оценочные дополнения» при сохранении перцептивно-предметной детализации ([и небо с изменением глагола] *стало более красочным / необыкновенно красивым / невероятно красивого цвета* и т.д.; [Сумерки] *разукрасили ночь ... / [небо становилось] оранжево-красным, и взгляд произвольно утонул в этой красоте.* Добавление подобных характеристик обусловлено наличием маркеров причинно-смысловых связей в ассоциативно-смысловом поле стимула СУМЕРКИ (*красота, красивый, романтика, поэзия* и т.д.), что предопределяет возможности пересечения прежних контекстов реализации причинно-смысловых связей и формирования релевантных примеров контекстного представления характеристик потенциального референта.

Отмеченные в предыдущих примерах с наибольшей редукцией внешнего контекста различия в способах «видения» контекстного «бытия» практически сведены только к одному такому способу при почти максимальных внешних контекстных ограничениях. Однако демонстрация одного способа переживания прежнего контекста даёт возможность выявить больше конкретных примеров того, как было организовано представление различных характеристиках объекта, т.е. выявить соответствующие схемы. Взаимообусловленность компонентов ЭСП значения при формировании конкретных релевантных примеров объяснения значения «для меня – здесь – сейчас», организация структуры которых обеспечивается рядом схем, можно представить в виде таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2. Контекстные преломления ракурса смыслового «видения»

Способ контекстной реализации	Ракурс смыслового видения		
	перцептивно- предметный	обобщающе- результативный	эмоционально-оценочный
<i>суццессивно- дескриптивный</i>	небольшая редукция цепочки перцептивно-предметных деталей объекта, действия и т.д.	описание ряда фактов как прежних когнитивных итогов	добавление эмоционально-оценочных характеристик объекта, действия и т.д.
<i>фактивно- когнитивный</i>	смысловая селекция как выделение доминантного признака	функционально-категориальное обобщение	обобщённо-оценочный вывод о значимости сообщаемого в рамках, исходя из норм и оценок социума
<i>поисково- прогностический</i>	замещение информации из текста иными сходными характеристиками	поиск причинных основ и фатальных следствий-прогнозов	имплицитный эмоционально-оценочный фон и переход к иным лингвокультурным универсалиям

Вербализация свидетельств внутреннего «видения» в основном осуществляется посредством глаголов разнонаправленного движения (*приближались, надвигались, опускались* и т.д.), состояния совершенного вида (*стало, приобрело*) при обращении в основном к грамматическому прошедшему, реже настоящему времени, что даёт возможность отнести переживание значения к прошлому опыту индивида. Отмечается большое число наречий, характеризующих различные параметры движения (*плавно, медленно* и т.д.), качественных прилагательных (*красочный, холодный, тёмный* и т.д.) в сравнительной степени (*яснее, темнее*), прилагательных с обозначением цветового спектра (*синий, серый, багрово-красный* и т.д.), стилистически маркированных повторов (*ярче и ярче, всё более и более звёздным* и т.д.). В ряде случаев Ии. как будто заново переживают красочную картину опускающихся сумерек, фокусируясь не столько на деталях, сколько на собственном психоэмоциональном состоянии.

Далее было сочтено целесообразным проверить экспериментально, насколько существенны могут быть расхождения в понимании-переживании смыслового содержания текста. Отсюда выдвигается *рабочая гипотеза б*: понимание текста субъектом зависит от степени задействования ВЗ. Для проверки этой гипотезы был проведён эксперимент, связанный с формулированием основной мысли четырёх текстов-стимулов. В эксперименте приняли участие 581 Ии., обработано 581 проекция текста, а также 2827 реакций в виде ключевых слов. Задание эксперимента состояло из двух этапов: 1) прочитать текст и выделить ключевые слова (примерно 3–7); 2) определить основную мысль текста.

Взаимообусловленность вербально заданного и внутреннего переживания мы проверили на примере художественного текста, взяв в качестве стимула отрывок из романа В. Набокова «Другие берега» [Набоков 1990: 175]:

Летние сумерки («сумерки» – какой это томный сиреневый звук!). Время действия: тающая точка среди первого десятилетия нашего века. Место: пятьдесят девятый градус северной широты, считая от экватора и сотый восточной долготы, считая от кончика моего пера. Июньскому дню требовалась вечность для угасания: небо, высокие цветы, неподвижные воды – всё это как-то повисало в бесконечном замирании вечера, которое не разрешалось, а продлевалось ещё и ещё грустным мычанием коровы на далёком лугу или грустнейшим криком птицы за речным низовьем, с широкого туманного мохового болота, столь недостижимого, что ещё дети Рукавишниковы прозвали его: Америка.

В эксперименте участвовало 153 Ии., изучено 153 проекции, зафиксирован один отказ (0,5%). Текст содержит последовательное описание наступления сумерек с большим количеством перцептивно-предметных сведений о действиях, ощущениях автора, их эмоционально-оценочном переживании. Первым заданием в работе над текстом являлось выделение ключевых слов, которые помогают Ии. сформировать представление о позиции автора и его «видении» характеристик потенциального референта. Проведённый анализ позволил определить, что Ии. формируют первоначальное образное представление о возможном референте на основе выделения релевантных признаков, задаваемых посредством ключевых слов. Специфика этих признаков обусловлена путями переработки поступающей информации (перцептивными, когнитивными, эмоционально-оценочными). Преобладание какой-либо линии такой переработки, опосредо-

ванное всем предшествующим опытом, даёт возможность говорить о стратегии того, как оптимально и правдоподобно объяснить «для меня – здесь – сейчас».

В работе над текстом В. Набокова такими признаками стали следующие: а) время (332 реакции) с выделением ключевых слов *время*, с уточнением *время действия, сумерки, вечер* и т.д.; б) место (165) с помощью *место* при уточнении локации *Америка, болото* и т.д.; в) действие (115) посредством ключевых слов *действие*, с уточнением различных характеристик *замирание, угасание, крик* и т.д.; г) объект (40) при задействовании *небо, цветы* и т.д.; д) субъект (16) с помощью антропонима *Рукавишниковы*, существительных *дети, птица*; е) свойства, качества, отмеченные отдельно (56), в том числе *недосягаемый, грустнейший, туманное* и т.д. Значительное число ключевых слов, связанных с описанием действия, задаёт сукцессивно-дескриптивный способ реализации характеристик во внутреннем контекстном «бытии»: Ии. как воспринимающие наблюдатели активируют личные переживания события сумерек (процессуальности, поступательности, интенсивности, изменения состояния и т.д.).

Выделенные посредством ключевых слов контекстные признаки явления сумерек имеют много общего с теми характеристиками, которые задаются причинно-смысловыми связями в ассоциативно-смысловых полях стимулов *сумерки, вечер*. Так, стимул СУМЕРКИ обнаруживает маркеры опоры на ВЗ *ночь, темнота, темно, холодно, прогулка* и т.д. *Вечер* переживается как *отдых, закат / заход солнца, темнота / темно, ночь, время суток, день, тишина / тихо, сумерки* и т.д. Исследования имплицитного контекстного представления релевантных характеристик стимула СУМЕРКИ позволили установить экспериментальным путём, что отправной точкой считается именно *день* при наличии детализации и сукцессивно-дескриптивного способа формирования «свидетельств» на основе перцептивных ощущений и предметной конкретизации (*День угасал, сумерки надвигались* и т.д.).

Некоторые расхождения касаются, с нашей точки зрения, двоякого представления «Я–позиции» наблюдателя: с одной стороны, Ии. вместе с автором переживают приход сумерек и становятся «свидетелями» события, приписывая недостающие, по их мнению, перцептивно-предметные детали, с другой, – фиксируют позицию автора, выступая согласными с ним наблюдателями. Свою роль играет и задание эксперимента как внешняя ситуативная предпосылка, вносящая целевую установку и накладывающая ограничения на вербализацию субъективного переживания. Формулирование основной мысли предполагает обобщение и экономию языковых средств выражения, что ведёт в большинстве случаев к замене глагола на отглагольное существительное, использование лексических единиц абстрактной семантики, дополнительной характеристики по параметрам пространственно-временной локации, количества, качества.

В целом понимание данного художественного текста осуществляется в рамках трёх названных выше субмоделей. Ии. прибегают к субмодели минимального задействия ВЗ (выявлена 71 проекция или 46,5%) в силу высокой степени соответствия авторского «видения» события сумерек и собственных примеров эвиденциального переживания. Итогами такого осмысления можно считать случаи редукции авторской последовательности действий, явлений и

т.д., приписывание дополнительных признаков, что в состоянии осуществить только человек, имеющий опыт подобного ЭСП и ощущающий себя наблюдателем описываемого события. Так, отмечено акцентирование внимания на процессуальности происходящего (*Текст рассказывает, как постепенно наступают темнота / В тексте описывается медленное наступление ночи* и т.д. Психохроцветовое восприятие В. Набокова детализируется Ии. (*Сумерки – это томный тёмно-сиреневый звук, сопровождающийся медленным угасанием дня*) с фокусировкой на длительности процесса (*В тексте описывается, как долго угасает июньский день / окончание дня, которое длится слишком долго*).

Обобщения осуществляются в силу результирующего характера продукта понимания. Упоминания различных мест (реки, болота и т.д.) обобщаются как описание природы, тёплого летнего вечера и ясного неба – как прекрасной погоды и т.д. Эти обобщения включены в последовательность описания явления и составляют один из её элементов (*Так как это отрывок из текста, то по нему можно сделать вывод о том, что описывается какая-то местность, а точнее, русская природа, её состояние во время летних дней / ... об атмосфере сумерек в июне, представлениях о том, как вокруг тепло, хорошо и безмятежно*).

Однако приписывание субъективно выявленных по различным параметрам признаков и обобщений часто не соответствует сведениям из текста, что происходит вследствие ошибок при конкретизации / обобщения сведений о месте, времени (*Этот текст о вечере июльского дня / июльском дне / в тексте говорится об американском вечере и всех тонкостях угасания дня / ... летних сумерках в Америке / Описание обычного дня лета в Америке*). Опора на ключевое слово *Америка* также приводит к ошибочным выводам о месте события, к использованию его как пространственного ориентира (*Описание летнего вечера: природа, далёкий луг, моховое болото – всё это так далеко, что кажется, что до них как до Америки*), приписыванию эмоционально-оценочных субъективно отобранных характеристик при возможном обобщении (*Сумерки начинаются с медленного угасания дня, и отдалённое место становится тающей точкой в спускающейся темноте / о некоем тихом прекрасном, волшебном месте, которое дети прозвали Америкой*).

Проекции, сформированные при помощи субмодели минимальной опоры на ВЗ, не отличаются ярким проявлением позиции читателя, они предполагают учёт авторских перцептивно-предметных и эмоционально-оценочных характеристик и отбор наиболее значимых. Примерами можно считать субъективное уточнение времени суток, места (*вечер как часть дня, сумерки как вечер или ночь*): *описание вечера / летнего дня / июньского дня, переходящего в вечер / летнего заката и происходящего с природой в летнюю ночь / описывается какое-то место, которое прозвали Америка*. Сопереживание читателя отражено в субъективно приписываемой деятельности автора (*Поэт пишет о вечере июньского дня / Текст об июньском вечере, который писатель проводит за работой / Автор наслаждается вместе с нами каждым моментом накрывающих далёкие луга и берега сумерек*). Упоминание Америки создаёт предпосылки определения местонахождения автора (*Автор описывает вид из окна своего дома в Америке, который вдохновил его на создание этого произведения*).

Данная субмодель характеризуется минимальным задействованием ВЗ, что ведёт к субъективной перцептивно-предметной выделенности части информации из текста и её детализации, сохранении процессуальности переживания, обобщении с использованием лексических единиц с признаком процессуальности действия (*описание, описывать, рассказывать* и т.д.), эмоционально-оценочных характеристик, параллельному с автором представлению собственной «Я–позиции» наблюдателя. Ошибочность характеристик проистекает из неверной конкретизации места действия (*Америка*), времени (летний месяц – *июль*), что ведёт к изменениям в понимании. Такие ошибки вызваны высоким выводным потенциалом топонима *Америка*, фонетическим сходством названий месяцев (*июнь – июль*), а также субъективным «видением» деятельности автора.

Обращения к субмодели смыслового паритета (45 случаев или 29,5%) характеризуются общей тематической близостью проекций автора и читателя. Однако, если при минимальном задействовании ВЗ Ии. выделяют в качестве релевантных конкретные предметные аспекты переживаемой ситуации наступления сумерек при возможности некоторого обобщения, то в данном случае наблюдаются значительные расхождения между проекцией автора и проекциями читателя. Опирающийся на ВЗ субъект, внося необходимые, по его мнению, коррективы обобщает некоторые детали из текста, касающиеся летнего времени года (*Текст о летнем месяце / ... об описании явлений природы, ощущениях / ... о том, что такое сумерки / Времени суток летом, природы, её видения детьми / описание лета и отдыха / вечерней природы* и т.д.); места действия (*Описание места / пейзажа / определённого места в определённое время / местности, используя литературные приёмы «пафос» и «барокко»*).

Необходимо отметить, что под словом *природа* Ии. часто подразумевают окружающую среду в целом, всё живое в окружающем человека конкретном пространстве (*природа и окружающий мир в летний период*), только растительный и животный мир, исключая его местоположение (*описание места и природы*), органическую и неорганическую природу региона (*описание природы Америки / в Америке*). Такие толкования не всегда соответствуют словарной дефиниции («всё существующее во вселенной, органический и неорганический мир; места вне городов (поля, леса, горы); основное свойство, сущность» [Ожегов 1963: 588]) и являются итогом субъективного опыта оперирования словом.

Нейтральная позиция инферирующего аналитика позволяет представить основную мысль ещё более обобщённо, с помощью абстрактного существительного (*Текст о природе / атмосфере природы*), разговорного клише обобщающего характера (*О природе и погоде*), названия страны (*Этот текст об Америке / осознании Америки*). Информация из текста подвергается изменениям, которые позволяют сосуществовать «видению» автора и читателя благодаря общности прежних смысловых переживаний воспринятого. Разные детали, представленные в тексте, становятся базой для обобщений, которые формируются благодаря либо выделенности какой-либо характеристики (место действия – *Америка*, время года – *лето*), либо общности тематической области, включающей ряд предметных деталей (*луг, болото* и т.д. – *природа; место*).

Если при задействовании предыдущей субмодели мы отмечали ошибочность при конкретизации места, что, однако, не являлось определяющим в процессе понимания текста, то в случае субмодели смыслового паритета с выраженной позицией «Я – инферирующий аналитик» происходит субъективное обобщение на основе этой ошибки. Так, в тексте место действия конкретизируется за счёт географических координат, особенностей местности (болото, речное низовье и т.д.). В ответах Ии. таким местом становится целая страна, которой по различным параметрам приписываются имеющиеся в тексте характеристики: (недосягаемость) *о далёкой стране, недосягаемой / (географические координаты) географическом положении Америки / описание Америки с географической и художественной точек зрения / (схожесть природных условий) описание Америки через описание русских пейзажей в стиле экзистенциалистов / июньской погоды в Америке / описывается Америка в один из прекрасных летних июньских дней*. Такая ошибочная трактовка задаёт два направления смыслового развития: описание конкретного времени суток в конкретном месте, название части которого совпадает с названием страны, и описание природных условий в одноимённой стране.

Выделение ключевого слова *Америка* как доминантной внешней опоры ведёт к активации устойчивого социокультурного представления о месте (как стране больших городов, небоскрёбов, бескрайних просторов) с учётом пространственно-временных параметров и личности автора (*Автор живёт в Америке, его поразила прекрасный вечерний вид города*), демонстрации экспертных знаний об авторе (*Этот текст – автобиография. Автор рассказывает нам о своей жизни, пытаясь помочь увидеть его воспоминания о детстве, о тоске по Родине / Этот текст о сумерках. Я считаю, будучи уже знакомой с творчеством Набокова, этот текст имеет описательный характер. Метафоры Набокова поражают, они как живые, и может показаться, что речь идёт о чём-то непонятном*). Отсюда имитация позиции автора позволяет использовать энциклопедические знания о нём, собственное «видение» его роли, сводящейся в общем виде к метафоре «текст – это автор».

Задействование субмодели смыслового сдвига (выявлено 36 примеров или 23,5%) происходит при фокусировке внимания читателя на результате прочтения текста, в том числе эмоционально-оценочного характера, что предполагает иной ракурс осмысления. Так, в тексте частично отражены эмоционально-оценочные характеристики, которые относятся к описанию отдельных фрагментов (*грустное мычание коровы, грустнейший крик птицы, недосягаемое болото* и т.д.), но Ии. на основе ЭСП используют текст как базу для метафорического переосмысления или образного сравнения.

«Вживание» Ии. в описываемое событие предполагает замещение авторского описания сумерек собственным эмоционально-оценочным «видением» (*Грустнейший крик птицы, грусть коровы не мешает нам радоваться и любоваться природой тёплым летним вечером, когда всё как будто остановилось / Описание ощущений путешественника, волнение и трепет перед неизведанными берегами, он в шаге от достижения цели / Речь идёт об обстановке, которую человек не хочет покидать, ведь его всё устраивает, это его идеал*).

Реализация стратегии «Я – сопереживающий участник» в рамках данной субмодели ведёт к поиску причинных оснований, которые опосредованы личностью автора (*В тексте ведётся описание природы, которое зависит от эмоционального состояния автора*), переходом от предметной к устойчивому социокультурному представлению, непередметного характера, а именно:

– о загородной жизни (*Как хорошо летом в деревне / особенно вечером*);

– о времени суток, когда вечер / сумерки переживаются как часть дня (*Красота вечернего июньского дня*), как точка на бесконечной временной шкале с учётом качественных характеристик или универсальное переходное состояние (*О красоте летних сумерек в сравнении с вечностью / Понимание сумерек как бесконечного мгновения, в котором вся природа сливается*);

– о красоте как универсальной характеристике (*Великолепия июньского дня в простоте и обыденности / ... о красоте природы / мира вокруг / великолепие природы, как прекрасен мир летом*);

– о состоянии окружающей среды с детализацией по пространственно-временным параметрам (*О красоте природы вечером / Как прекрасна природа в один из моментов (в летние сумерки) / Восторг от природы России*), качеству (*Бесконечная красота окружающей природы*), количеству (*Красота всего живого и неживого, что только может быть замечено человеческим глазом и услышано человеческим ухом*), образу действия (*Долгий путь проходит природа до того, чтобы отойти ко сну. И перед тем, как спрятаться под покровом ночи, она показывает всю свою красоту*).

– о природе России и Америки (*На мой взгляд, автор описывает таким образом своё первое знакомство с новой, чужой страной – Америкой. Учитывая тот факт, что писатель по происхождению русский, он описывает разницу между очень разными странами. После холодной суровой России Америка показалась ему тёплым, «летним» местом*);

– о специфике мышления нации (*Всё отдалённое, недостижимое на Руси зовут Америкой; вдали от Родины, в совершенно чужом месте, тебе всё кажется таким неродным. Здесь и природа другая, и время тянется бесконечно долго, поэтому для русских чужая сторона – это настоящие «другие берега»*).

Обобщение оценки предложенной текстом информации (красота природы) и описание личного психоэмоционального состояния позволяет осуществить переход к иному эмоционально-оценочному фону, заданному лингвокультурной универсалией (*Ностальгия / В тексте говорится о гармонии, спокойствии и умиротворении / ... красоте всего недостижимого для человека*). Стереотипные представления об Америке как враге или, наоборот, идеале переносят переживание смысла текста в сферу геополитики (*Грустный и неподвижный пейзаж сравнивается с «томной», наглой Америкой / Америка – страна-«болото», страна людей-тугодумов, которые хотят править всем миром / Удивительно сравнение Америки с «моховым болотом», оно может указывать как на страх перед Америкой, так и на то, что в Америке люди теряются, «взянут» / Как богата, прекрасна и недостижима Америка*).

Отсюда субмодель смыслового сдвига с учётом «Я–позиции» активного субъекта-участника отражает поиск согласования внешних и внутренних усло-

вий в процессе понимания, связующим звеном в котором становятся эмоционально-оценочные итоги осмысления субъектом представленной в тексте информации. Во многом это происходит потому, что опорные элементы понимания (ключевые слова) обнаруживают устойчивый эмоционально-оценочный ракурс смыслового «видения» характеристик потенциального референта. Наличие в тексте знаковых имён (топоним *Америка*) опосредует переход к социокультурной оппозиции «свой – чужой». Избрание такого элемента смысловой доминантой позволяет выйти за пределы внешнего контекста и сформировать результат на основе собственных или разделяемых в социуме переживаний (*недосягаемый – Америка недостижима, моховое болото – в Америке люди «вязнут», грустное мычание – автор грустит, не мешает нам радоваться* и т.д.).

В целом, рассматривая модели процесса понимания как пути описания динамического процесса опоры на ВЗ при объяснении «для меня – здесь – сейчас», можно утверждать, что текст как вербально заданное смысловое целое обуславливает степень необходимости активации ВЗ. Отсюда, чем больше совпадений со «свидетельствами» ЭСП значений ключевых слов и их потенциальной контекстной организации предлагает текст, тем ниже вероятность обращения к ВЗ, и, наоборот, чем меньше эксплицитных подтверждений близости, тем выше возможность смысловых сдвигов. Так, наиболее задействованной при понимании художественного текста оказывается субмодель минимальной опоры на ВЗ (46,5%), субмодель смыслового паритета более востребована в процессе понимания специального текста (59,5%), субмодель смыслового сдвига значима для Ии. в ходе работы с публицистическим текстом (45 %).

Таким образом, экспериментальная проверка рабочих гипотез в целом подтвердила эвиденциальную природу смысловых опор, к которым интуитивно обращается индивид в процессе понимания значения единицы языка. Определённая модернизация существующих моделей процесса понимания с учётом роли ВЗ позволяет рассмотреть слово / текст не только как «луч», открывающий релевантный фрагмент образа мира, но как многолучевой прожектор, высвечивающий общее смысловое отношение, устойчивые ракурсы и контексты «видения» знаний об одном и том же фрагменте образа мира.

В параграфе 6 Главы 3 содержатся выводы, сформулированные по результатам экспериментальных исследований.

В *Заключении* диссертации представлены общие итоги работы, намечены перспективы дальнейшего исследования.

Основные положения диссертации изложены в ряде публикаций автора.

Монографии:

1. Голубева О.В. Проблемы выводного знания и логический «абсурд» Л. Кэрролла. – Тверь: Твер. гос. ун-т., 2014. – 192 с (12 п.л.).
2. Гипотеза эвиденциальности выводного знания (экспериментальное исследование). – Тверь: Твер. гос. ун-т., 2016. – 176 с (11 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ (общий объём 10 п.л.):

3. Роль единиц вторичной номинации в развитии сюжета сказки Л.Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 10(66). – С.407–410.

4. Проблемы антропонимической репрезентации концептуального содержания // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 4(84). – С.233–238.

5. Роль интерпретирующей функции в развитии антропонимически репрезентированного концептуального содержания // Вопросы когнитивной лингвистики, 2010. – № 4. – С.58–68.

6. Оценочная категоризация знаний о человеке, репрезентированная в этимологии английского антропонима // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 8(100). – С.202–212.

7. Антропоним как метарепрезентация знаний о мире // Когнитивные исследования языка: мат-лы междунаро. науч. конф. – Москва–Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2011. – Вып. VIII. – С. 241–243.

8. Структурная и содержательная специфика антропонимически репрезентированного знания // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та им. Н.А. Добролюбова. – 2012. – Вып. 17. – С. 38–49.

9. Антропонимически репрезентированное концептуальное содержание как источник знаний о человеке // Вестник Тверского гос. ун-та. – Серия Филология, 2012. – № 10. – Вып. 2. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 29–35.

10. Антропоним как результат интерпретации знаний о мире // Когнитивные исследования языка: мат-лы международного конгресса по когнитивной лингвистике. – Москва–Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2012. – Вып. XI. – С. 108–110.

11. Интерпретационная основа репрезентации знаний о человеке антропонимическими средствами языка // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы: сб. науч. тр. – С. 232–243.

12. Специфика антропонимически актуализируемого образа // Вестник Тверского гос. ун-та. – Серия Филология. – 2013. – №. 5. – Вып. 2. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 267–274.

13. Проблемы инференции в психолингвистическом аспекте // Вестник Тверского гос. ун-та. – Серия Филология. – 2013. – №. 24. – Вып. 5. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 151–158.

14. Структурная и содержательная специфика процесса опоры на выводное знание // Вестник Тверского гос. ун-та. – Серия Филология. – 2014. – №. 2. – С. 304–311.

15. Антропонимически репрезентированное концептуальное содержание как результат переосмысления знаний о человеке // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: сб. науч. тр. – С. 422–427.

16. О чём «молчит» слово? // Вестник Тверского гос. ун-та. – Серия Филология. – 2014. – №. 4. – С. 222–229.
17. Вопросы теоретической трактовки проблемы выводного знания // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Филология. – 2015. – №. 2. – С. 25–31.
18. Когнитивные основания имплицитного знания // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. XXI: Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации: мат-лы всеросс. науч. конф. с междунаро. участием. – С. 327–330.
19. Основы теории эвиденциальности смыслового переживания значения индивидом // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2015. – №. 4. – С. 7–21.
20. Эвиденциальность опоры на выводное знание как необходимое условие понимания // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2016. – № 2. – С. 212–217.
21. Inference as a “live” peg of comprehension (psycholinguistic approach) // Международный научно-исследовательский журнал (International Research Journal). – 2016. – № 4(46). – Ч. 4. – С. 42–43.
22. Процесс опоры на выводное знание как условие осуществления самоконтроля // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2016. – №. 2. – С. 7–13.

Другие публикации

23. «Поэтический» и «прозаический» нонсенс Л. Кэрролла // Культура как текст: сб. науч. ст.; ред. Л.М. Борисенкова, И.М. Румянцева. – Смоленск: Универсум, 2005. – Вып. 5. – С. 308–311.
24. Христианские мотивы в сказках Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье» // Седьмые Поливановские чтения: сб. ст. по материалам докладов и сообщений конф.; отв. ред И.А. Королева. – Смоленск: СГПУ, 2005. – Ч.2. – С.307–311.
25. Функция имени в сказках Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье» // Иностраный язык в XXI веке: текст, культура, личность: мат-лы межвуз. научно-практич. конф; отв. ред. Е.А. Кучинская. – Смоленск: ВУПВО ВС РФ, 2005. – С. 28–32.
26. Об особенностях текстов Л. Кэрролла и Д. Хармса // Культура как текст: сб. науч. ст.; ред. Л.М. Борисенкова, И.М. Румянцева. – Смоленск: Универсум, 2006. – Вып. 6. – С. 284–289.
27. Роль иностранного языка в системе высшего образования и экономического развития региона // Высшая школа в стратегии развития Смоленской области: сб. науч. ст.; отв. ред Н.Е. Мажар. – Смоленск: Универсум, 2006. – С. 192–197.
28. Специфика функции имени «Мышь» в сказке Л.Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» // Университетский Вестник: научный журнал. – 2006. – № 1. – С. 56–59.
29. Креативная функция имен собственных «Лакей Рыба» и «Лакей Лягушка» в сказках Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье» // Культура как текст: сб. науч. ст.; ред. Л.М. Борисенкова, И.М. Румянцева. – М.: ИЯРАН; Смоленск: СГУ, 2007. – Вып. 7. – С. 325–330.
30. Функция имени собственного в стихотворении Э.По «Улялюм» // Язык. Текст. Методика: мат-лы межвуз. науч.-практич. конф.; ред. Е.П. Павлова, Л.К. Пазняк. – Смоленск: ВУПВО ВС РФ, 2007. – С. 28–34.
31. Ассоциативный характер связи единиц номинации в тексте сказок Л.Кэрролла об Алисе // Культура как текст: сб. науч. ст.; ред. Л.М. Борисенкова, И.М. Румянцева. – М.: ИЯРАН; Смоленск: СГУ, 2008. – Вып. 8. – С. 386–395.
32. Метафоричность неологизмов Л.Кэрролла в сказке «Алиса в Зазеркалье» // Метафора и действительность: границы выразительности: сб. науч. ст.; отв. ред. Л.М. Ньюбина. – Смоленск: СмолГУ, 2008. – С. 139–143.

33. Дуализм природы языковой картины мира // Когнитивные исследования языка: сб. мат-лов Международного конгресса по когнитивной лингвистике. – Тамбов: Изд.дом ТГУ, 2010. – Вып. VI. – С. 100–102.
34. Роль концептуальной деривации в создании антропонимов // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание науч. шк.: мат-лы Всеросс. науч. конф. – Тамбов: Изд.дом ТГУ, 2010. – Вып. I. – С. 58–62.
35. Антропонимы греческого происхождения как элемент ЯКМ (на материале русского и английского языков) // Актуальные проблемы лингвистики и методики: мат-лы международ. межвуз. научно-практич. конф. – Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2010. – Вып. 3. – С. 33–37.
36. Антропонимы в языковой картине мира (на материале имен древнерусского и старославянского происхождения) // Актуальные проблемы германистики и романистики: сб. ст. по мат-лам международ. науч. конф. Ч 1: Слово в языке и речи. – Смоленск: СмолГУ, 2010. – Вып. XIV. – С.35–38.
37. Голубев или Columbus? К вопросу о прецедентности антропонима // XVI Державинские чтения. Ин-т филологии: мат-лы общеросс. науч. конф. – Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2011. – С. 374–379.
38. Антропонимы древнерусского и старославянского происхождения в языковой картине мира // Актуальные проблемы лингвистики и методики: мат-лы международ. межвуз. научно-практич. конф. – Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2011. – Вып. 4. – С. 30–34.
39. Прецедентность в сфере оценочного знания // Getting an “A” with Autonomy: мат-лы международ. научно-практич. конф. Umbrella-NATE. – Смоленск: Универсум, 2011. – С.179–183.
40. К вопросу о когнитивных основах перевода антропонима // Обучение профессионально ориентированному общению в неязыковом вузе: мат-лы межвуз. научно-практич. семинара. – Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2012. – С. 7–12.
41. Специфика передачи при переводе антропонимически репрезентированного концептуального содержания // Обучение иноязычному профессионально ориентированному общению: сб. мат-лов. – Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2013. – С.15–19.
42. К проблеме типологического многообразия представлений о мире // Актуальные проблемы лингвистики и методики: мат-лы межвуз. научно-практич. конф. – Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2013. – Вып. 5. – С. 36–40.
43. Специфика функциональной представленности знаний в памяти человека // Языковая действительность и действительность языка: мат-лы всеросс. интернет-конф. / Режим доступа: <http://rgf.tversu.ru/sites/default/files/doc-files/Golubeva-2013/pdf>.
44. Структурные и содержательные особенности инферирования // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр.; общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. Гос. ун-т, 2013. – Вып. 13. – С. 61–79.
45. Теоретические основы формирования инференций // Актуальные проблемы лингвистики и методики: мат-лы межвуз. научно-практич. конф. с международ. участием; общ. ред. Е.А. Кучинской. – Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2014. – С. 41–44.
46. Выводное знание как опора при понимании текста // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр.; общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – Вып. 14. – С. 108–112.
47. Необходимость опоры на выводное знание при обучении переводу // Современные коммуникативные информационные технологии: мат-лы межвуз. научно-практич. семинара; общ. ред. Е.А. Кучинской. – Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2015. – С. 47–51.
48. К вопросу о каузальной природе значения // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: мат-лы межвуз. научно-практич. конф.; общ. ред. Е.П. Павловой, Е.А. Кучинской. – Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2015. – Вып. 2. – С.53–59.
49. Эвиденциальное смысловое переживание как причинное кодирование знаний об объекте // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр.; общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: ТвГУ, 2015. – Вып. 15. – С. 7–18.

Подписано в печать 14.09.2016. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 2,9. Тираж 100. Заказ № 340.
Редакционно-издательское управление
Тверского государственного университета
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. РИУ (4822) 35-60-63.